

**ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ВОЛГЕ АМБРОДЖИО КОНТАРИНИ В 1476 ГОДУ И ЕПИСКОПА
ДИОНИСИЯ В 1379 ГОДУ (ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)**

Поводом для этой статьи стала очень своеобразная интерпретация двух источников парой “новаторов”, сиющих доказать, что в Золотой Орде существовал только один город с названием Сарай. Да простят меня коллеги-археологи за повторное обращение к этой теме, но если уж прежних, вынужденно кратких, но понятных комментариев оказалось недостаточно, значит – в этом есть необходимость. И необходимость не только частная, связанная с решением узких и очень конкретных вопросов. Речь идет в целом об ответственности авторов за публикуемые тексты и следующим за ней доверием или недоверием к личности исследователя.

Очень часто приходится сталкиваться с позицией, исходя из которой лучший способ борьбы с некорректным опровержением прежних достижений науки – это полное игнорирование этих опровержений. Действительно, можно блюсти “застегнутый на все пуговицы” академический штиль, заменяющий интеллигентность. Это привлекательнее на первый взгляд – все получается очень чинно. Но за это приходится очень дорого платить в будущем, когда новоявленные положения (не уничтоженные сразу) перерастают рамки науки и переходят в политическую (и вообще общественную) жизнь.

Подходы идеологов от науки оказываются удивительно стандартными. Во-первых, удревить народ до невозможности, не считаясь с данными источников. Например, М.С.Грушевский выделял украинцев уже во времена Геродота, когда и славян-то не было (Ульянов Н.И., 1996, с.257). Все, что этому противоречит, объявить позднейшими вставками на основании одного аргумента – “мы считаем” – или просто игнорировать. Подобные сочинения создаются и в наше время (Халиков А.Х., 1992а). Во-вторых, создать длительную и высокую культуру народа. Истоки “незалежности” в этой области выглядели следующим образом: “Начались поиски сколько-нибудь выдающихся живописцев, гравиров, музыкантов среди поляков, немцев или русских малороссийского происхождения. Всех их, даже тех, что родились и выросли в Вене, Кракове или Москве, заносили в реестр деятелей украинской культуры” (Ульянов Н.И., 1996, с.254). Не особенно отличаются идеологические установки настоящего времени (Халиков А.Х., 1992б).

Справедливости ради отмечу, что народы, долго живущие рядом, настолько смешиваются, что не найдется человека, у которого не было бы предков-соседей за последние два десятка поколений. Разница между всеми только в том, зафиксированы они или нет. Но принадлежность к той или иной культуре определяется вовсе не долями крови, а самосознанием и тем, на каком языке и в рамках какого этноса данная культура создается.

Удивительно живучими оказались посеянные Ф.В.Баллодом на почве археологии семена взаимной ненависти русских и татар. В результате в настоящее время широко распространено неверное мнение о том, что основные разрушения золотоордынских кирпичных построек произошли вследствие царских указов. Ф.В.Баллод писал об этом особенно эмоционально: “Поразительны варварство и ненависть, проявленные московским правительством в отношении татарских сооружений в области Нижнего Поволжья, и больно установить, что только теперь, в XX столетии, начинается обследование уцелевших жалких остатков и изучение поистине высокой и прекрасной татарской «золотоордынской» материальной культуры” (Баллод Ф.В., 1923, с.20). Прежних дореволюционных археологов, как видим, он просто не брал в расчет, хотя его собственный методический уровень был не намного выше, а чертежи делали художники уже в Петрограде. Впрочем, эта резкость легко объясняется прозрачным заискиванием интеллигента, работы которого финансировал Татнаркомпрос. Да и время было соответствующее: совсем недавно, во время Первой мировой войны, генеральный штаб Германии и Австро-Венгрии очень хорошо платил всем идеологам и практикам сепаратизма в России, а происхождение и положение Ф.В.Баллода делали из него идеального агента. И за словесной тканью вовсе не замечается того, что “татарская” и “золотоордынская” культуры выступают как синонимы, хотя на самом деле это антонимы: эпонимные татары были полностью истреблены монголами, господствующим слоем Золотой Орды, а современные казанские отчасти являются потомками болгар, жестоко завоеванных монголами. Во всяком случае, золотоордынская городская культура

имеет весьма опосредованное отношение к современной культуре казанских татар.

Сходные оценки затем повторялись уже с более конкретной ссылкой на свидетельство Бельского летописца: «Многочисленные монументальные постройки Сарая сохранялись до второй половины XVI в., когда царь Федор Иванович в 1578 г (1588 г – И.В.) велел ломать «мизгити и полаты в Золотой арде и тем делати город» Астрахань» (Егоров В.Л., 1985, с.117; Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986, с.238). Мысль о неправильном поступке «тишайшего Федора» В.Л.Егоров озвучивал при ежегодных экскурсиях по Селитренному городищу для всех вновь прибывших в ПАЭ. Однако «ненависть» тут совершенно ни при чем, разборка зданий в широких масштабах продолжалась и позже, а часть монументальных построек в действительности благополучно просуществовала, по крайней мере, до XIX в. Во всяком случае, деятельность по царскому указу нанесла минимальный ущерб по сравнению с остальной. В целом же, везде в мире отношение к заброшенным постройкам как к памятникам сформировалось только в XIX в. Лишь единичные исключения относятся к XVIII в. в связи с античными древностями.

Собственно говоря, для профессиональных археологов этот вопрос вообще не должен стоять. В постройках золотоордынского времени кирпич вторичного использования – явление постоянное и обычное. Из этого автоматически следует, что для возведения одних сооружений разбирали другие. Следуя логике Ф.В.Баллода, придется признать, что носители золотоордынской городской культуры ненавидели сами себя.

Венецианский посол Амброджио Контарини, посетивший центр Большой Орды (Астрахань) в 1476 г, отметил: «Город невелик... домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем еще были хорошие здания» (Барбаро и Контарини..., 1971, с.220). Очевидно, что руины в XV в. татары использовали для строительства городской стены и прочих сооружений. Прямого указания на разрушение в источнике нет, но остальных достаточно. В XIV в. производство кирпича было на взлете, но во время «великой зямтни» горожане его не использовали для фортификационных сооружений, ограничиваясь валами. Следовательно, даже тогда возведение кирпичных крепостей было не под силу. В XV в. в Большой Орде вообще все производства находились в упадке, а об отсутствии производства кирпича в Астрахани свидетельствует то, что все дома глинобитные. При этом упомянуты развалины «хороших зданий», надо полагать, кирпичных. Легко домыслить, откуда взялся строительный материал для крепостных стен.

В целом же с XVII и до конца XIX века к выборке кирпича относились, в основном, как к нормальному источнику строительного материала или неизбежному злу. Широко известно сообщение о строительстве в Астрахани из Сарайского кирпича в 1631 г (Минх А.Н., 1902, с.1340). В 1632 г царицынский воевода писал о постоянном нахождении «у кирпичной ломки» (на Царевском городище) ста стрельцов (Донские дела, 1898, стб.344). Адам Олеарий, отметивший существование Царевского городища во время пугешествия в 1636 г, сделал следующую запись: «В 5-ти верстах далее в глубь страны и в 7-ми верстах от Царицына еще в настоящее время, нам говорят, сохранились развалины города, который жестокий изверг Тамерлан построил из обожженных камней, воздвигнув в нем и большой увеселительный дворец; называется он Царевым-городом. После того, как город этот был опустошен, русские увезли наибольшее количество камней в Астрахань и построили из них большую часть городских стен, церквей, монастырей и других зданий. Еще в наше время несколько лодок, нагруженных камнем, шли отсюда и направлялись в Астрахань» (Олеарий А., 1906, с.391). Показательна характеристика развалин из Черкасской редакции «Книги Большому Чертежу»: «По реке Ахтубе 90 верст от Царицына пошла Золотая Орда, где живали цари ордынския, владели и дани имали на великих князех Российского государства до Грозного великого князя Ивана Васильевича, и мечети и ныне татарские каменные и все полаты целы до днесь, сказывают на царево дворе и казны много и ныне, а взять невозможно никому» (Книга..., 1950, с.182). Сохранилось множество сведений о добыче кирпича в XVIII-XIX вв. на нескольких городищах.

Упомянутые В.В.Григорьевым в 1-й пол.XIX в. «принятые меры к прекращению дальнейшего расхищения» кирпича на Царевском городище (Григорьев В., 1998, с.5), надо полагать, имели очень ограниченное действие (как и многие общегосударственные законы в наше время). Даже в 1893 г А.А.Спицын сделал детальное и беспристрастное описание техники его добычи, приблизительных масштабов, цен (Спицын А.А., 1895, с.85-87). Из его отчета следует, что добыча кирпича практиковалась местными селитренскими крестьянами совершенно легально. В селе жило некоторое количество «знатцев» (знатоков поиска и добычи кирпича), которые регулярно и методично искали древние фундаменты на окрестных участках городища, а затем полностью вывозили найденное. В селе всегда можно было приобрести у перекупщиков практически любое количество кирпича по рублю за сотню (или продать по 65 копеек за то же количество). Никаких действенных попыток воспрепятствовать этому

процессу не предпринималось. Все расценивалось просто как средство заработка.

Следовательно, никакой “ненависти” к “прекрасной татарской «золотоордынской» материальной культуре” не было. Тем не менее, даже в 2007 г на Учредительном съезде Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей думающий археолог Е.М.Пигарев повторил эту мысль, добавив к ней немного сомнений.

Но давайте разберемся в том, что происходило на самом деле, рассмотрев несколько шире события 1588 г, зафиксированные Бельским летописцем. Как известно, Федор Иванович (1584-1598 гг) вовсе не был активным государственным деятелем. Всеми делами при дворе (особенно практическим их исполнением) заправлял его зять Борис Годунов с обширной камарильей. Часть его полного титула: “По воле Бога правитель всея Руси, главный наместник царств Казани и Астрахани, главнокомандующий всеми военными силами...” (Горсей Дж., 1990, с.158). Даже идеологами татарского национализма признается татарское происхождение этого семейства, на спорность указывается, видимо, в связи с результатами правления для отечественной истории (Халиков А.Х., 1992б, с.72-73). Еще более красноречиво описание современника событий, голландца Исаака Массы: “...отечество Годуновых до сих пор еще называется Золотою Ордою (Solotaia orda), или золотою странною, по красоте ее местности и по развалинам, находящимся там, можно видеть, что там были некогда воздвигнуты великолепные и дорогие здания. На камнях искусно вырезаны греческие и еврейские буквы; некоторые из них отлично позолочены” (Масса И., 1937, с.34, 30).

Как видим, получается неувязочка, в ненависти приходится обвинять персону татарского происхождения, в скором времени занявшую место русского царя. Трудно заподозрить его в презрении к своим предкам. Но вернемся к частным вопросам, которые являются кирпичиками общего знания о Золотой Орде.

Маршрут Амброджи Контарини

Сначала В.Г.Рудаков считал, что записки А.Контарини свидетельствуют о положении Сарая на месте Селитренного городища (Рудаков В.Г., 1999, с.98; 2000, с.308). Тогда же, начиная с золотоордынской конференции 1998 г, был предложен и буквальный перевод текста А.Контарини с указанием места, где путешественнику поступило сообщение о Сараяе.

Честно говоря, на новые блистания новаторов в интерпретации этого источника я уже не рассчитывал, но после появления статьи Е.Ю.Гончарова (Гончаров Е.Ю., 2003, с.324-325) появился повод для более пространных комментариев.

При всей неприглядности (особенно в сравнении с его коллегой по дипломатической работе И.Барбаро) образа А.Контарини, который все время акцентирует внимание на тяготах и опасностях путешествия, забывая о полной бесполезности собственной миссии и все же обосновывая непропорционально высокие “командировочные”, этот автор очень важен. По интерпретации его сведений очень просто судить об уровне современных “исследователей”, особенно г-на Гончарова. Ведь вообще оригинальность новаторов, посчитавших, что был только один Сарай, заключается лишь в особой интерпретации источников.

Но оригинальность такова, что они смело заявляют: “Эта полемика (Н.И.Веселовского с В.К.Трутовским – И.В.) показывает нам, насколько изучение Золотой Орды в XIX и даже в нач.XX в. было еще далеко от истинно научных исследований. Выводы обоих исследователей довольно неопределенные, по-разному могут быть толкуемы, а их аргументы нередко напоминают гадания на кофейной гуще” (Рудаков В.Г., 1999, с.96)¹. Для желающих сравнить добавлю: суждения Н.И.Веселовского очень определены, могут быть толкуемы только однозначно, последующие его положения никогда не противоречат предыдущим (как это водится у открывателей только одного Сарая), аргументы всегда продуманны и конкретны.

Повторюсь: нельзя назвать эти 4 статьи (Трутовский В.К., 1889; 1911; Веселовский Н.И., 1907; 1912) полемикой, это была всего лишь постановка дилетанта-нумизмата В.К.Трутовского на место специалистом широкого профиля. Важнее другое. В.К.Трутовский сам невзначай признался, что им двигало не только стремление к истине: “...умолчание проф. Веселовским о многих моих существеннейших доказательствах и совершенно неправильное толкование других, – все это заставляет меня вновь выступить по этому вопросу, как в интересах науки, так и pro domo mea” (Трутовский В.К., 1911, с.563). При чем тут “мой дом”, зачем его было связывать с проблемой? Если кому-то непонятно, то это – отголосок старых “противоречий” между Москвой и Петербургом. Вяizzlyвались в такого рода “баталии” тогда, как и сейчас, люди, которым свои ошибки надо прикрывать “школой”, “домом” или чем-то еще. Это – то же самое, что и словословия в свой адрес по части “многих моих существен-

¹ Если кто не понял, это Н.И.Веселовский, учитель едва ли не большей части отечественных востоковедов I-й пол.XX в., гадал на кофейной гуще.

нейших доказательств". Трутовскому нечего было возразить, его позиция менялась с легкостью, а мнение Н.И.Веселовского и по сей день можно считать самой вероятной версией локализации Гюлистана, хотя рассчитывать на однозначное подтверждение ее археологическими методами не приходится. Сама логика принятия Н.И.Веселовским решения о местоположении Гюлистана была простой, надежной и однозначной: надо было выбрать самый большой дворцовый комплекс в пределах Царевских развалин, что и было сделано. Когда эпитоны пытались определить положение Гюлистана по монетам, то им приходилось оперировать долями продукции этого монетного двора в комплексе порядка 10-15%. Доля монет Гюлистана в Колобовке, где его помещал Н.И.Веселовский, – более 44% (Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2004, с.99-100). Для того, чтобы понять – много это или мало, поясню: это немножко меньше, чем потребовалось для локализации города Мохши, и существенно больше, чем потребовалось для локализации города Шехр ал-Джедид (Волков И.В., 2008, с.460-470). Получается, что находки монет подтверждают точку зрения Н.И.Веселовского настолько, насколько они вообще пригодны для решения вопросов исторической географии.

По мнению В.Г.Рудакова, "все письменные свидетельства XIII-XVI вв. о Сарае указывают на Селитренное городище. Одно только внимательное прочтение и анализ свидетельств средневековых авторов, даже без данных археологии, позволили бы историкам XIX – нач. XX вв. локализовать город Сарай на месте Селитренного городища" (Рудаков В.Г., 1999, с.98)².

В качестве примера разберем более подробно свидетельство источника, который В.Г.Рудаков прочел особенно внимательно, а Е.Ю.Гончаров даже превзошел его. Так уж обиделась небольшая группа граждан, когда я отметил факт того, что техник В.Г.Рудаков, через которого просто передали статью редактору, вдруг без ссылки воспользовался ее материалами, но не посчитал нужным извиниться. А уж на устные консультации в этой среде просто не принято ссылаться. Но меня всегда вводит в заблуждение одно свойство "новаторских" работ. Незнакомство с каким-либо источником или какой-то частью литературы сейчас вообще дело обычное, если учесть, как теперь работают публичные библиотеки. Это нормально. Не надо только делать вид, что недоступные книги прочитаны, и ссылаться на них. Но вот когда "новаторы" смотрят в книгу, а видят только то, что способны понять, то в силу слишком серьезного отношения к оным создается впечатление, что они просто не знакомы с источником.

"Путешествие" А.Контарини – источник очень простой и понятный. Вполне справедливы общие характеристики, сделанные Е.Ч.Скржинской. "В труде Контарини принят простейший порядок изложения. С первого дня пути... последовательно от даты к дате, от страны к стране, от города к городу, от события к событию... соблюдены приемы дневника. Контарини показал себя трудолюбивым и аккуратным в ведении путевых записей: на протяжении всего своего труда он имел возможность, следуя этим записям, ставить даты приезда и отъезда и отмечать сроки длительных остановок в пути. Опорные хронологические пункты – например, числа праздника пасхи за 1474-1477 гг – у него точны" (Барбаро и Контарини..., 1971, с.90-91). Все повествование течет "последовательно, соответственно маршруту, без отдельных хронологически оторванных отступлений..." (Барбаро и Контарини..., 1971, с.91). "В итинерарий Контарини включено много эпизодов, но нигде они не выходят за пределы последовательного рассказа" (Барбаро и Контарини..., 1971, с.91). Главное же, на что следует обратить внимание, – это то, что точка отсчета остается неизменной до того момента, пока не появится следующая. К этому можно добавить лишь то, что количество дат и ориентиров уменьшается, если у путешественника не было возможности писать в помещении: на ветру трудно делать записи на отдельных листах с помощью чернил и пера, а в городах Узун Хасана напротив запечатлено множество дат и мелких событий.

Отечественному читателю этот источник знаком, в основном, по двум переводам. Один был опубликован в 1836 г. В.Н.Семеновым (Библиотека..., 1836). По прошествии полутора веков Е.Ч.Скржинская сделала новый перевод, имевший основной целью исправить ошибки и огрехи предшественника (Барбаро и Контарини..., 1971, с.25-26, 90). Е.Ч.Скржинская обратила внимание на то, что В.Н.Семенов часто пропускал непонятные места (Барбаро и Контарини..., 1971, с.26), поэтому никакие сравнения переводов г-на Гончарова (2003, с.324-325) просто не нужны, это давно отмечено. Впрочем, в пропусках грех переводчика невелик, так поступают многие, поскольку лучше пропустить непонятную часть текста, чем передать его неправильно. В.Н.Семенов прекрасно подстраховал себя тем, что параллельно издал текст оригинала, предоставив желающим возможность проверить каждое слово. Елена Чеславовна, когда ей казалось, что буквальный перевод не будет соответствовать истине, тоже пропускала слова (Волков И.В., 2003а, с.225; 2006, с.291-293). В каких-то

² Читай: Х.М.Френ, Ф.К.Брун, А.Ю.Якубовский, С.А.Янина, Г.А.Федоров-Давыдов и другие читали источники невнимательно, но наконец-то нашелся В.Г.Рудаков, который сделал это как следует.

местах в новой версии Е.Ч.Скржинской просто сказывалось излишнее влияние прежнего перевода.

Понятное дело, никакой “источниковедческий анализ” сочинения (Гончаров Е.Ю., 2003, с.325) для его понимания не требуется, необходимо лишь чтение. В крайнем случае, можно провести просто анализ, то есть по-русски “разложить по полочкам”. Приведу ниже и пространную цитату, т.к. г-ну Гончарову показалось, что я “усекаю сведения итальянского посла” (Гончаров Е.Ю., 2003, с.325), хотя на самом деле все наоборот.

Показательно и традиционное (все-таки выдержанный стиль) стремление г-на Гончарова цитировать источник по переводу В.Н.Семенова, причем взятому не из оригинального издания (при наличии оно даже в подсобных фондах ГПИБР), а в варианте после двукратной перепечатки в провинциальных хрестоматиях (Гончаров Е.Ю., 2003, с.324, прим.3). Но поражает не это, а попытка сравнивать два перевода, более поздний из которых имеет основной целью исправить и дополнить более ранний. Сразу виден титанический интеллект.

Если хотелось докапываться до истины, то можно было бы обратиться собственно к итальянскому тексту, курсов латыни и любого романского или германского языка в рамках программы исторического факультета вуза для этого вполне достаточно. Ситуация облегчается тем, что публикация средневековых текстов не стоит на уровне эпохи Дж.Б.Рамузио, и сейчас доступны критические издания (Contarini A., 1973), но не выпускникам РГГУ. Им привлекательнее использование переводов позапрошлого века.

Не обошлось и без “источниковедческого анализа” г-на Гончарова. Оказывается, “Для последнего издания [В.Н.Семенова – И.В.] был сделан перевод с итальянского подлинника; м.б. издания 1487 г?” (Гончаров Е.Ю., 2003, с.324, прим.3) (должно быть, неподходящий г-ну Гончарову перевод Е.Ч.Скржинской сделан с “копии”). Но достоверно известно, что В.Н.Семенов делал перевод с издания Дж.Б.Рамузио (Барбаро и Контарини..., 1971, с.25, 90). В.Н.Семенов сам прямо писал, что пользовался он не первым, а изданием 1606 г: “Путешествие Амвросия Контарини было в первый раз издано в Венеции в 1483 году (и), потом вместе с путешествием Барбаро напечатано Альдусом в 1543 году, и наконец, уже перепечатано в Рамузиевом Сборнике, из которого мы его заимствовали” (Библиотека..., 1836, с.9-10). “Путешествие Барбаро было издано в первый раз в Венеции известным Антонио Мануцио в 1543 году (д), а потом уже перепечатано знаменитым Рамузио в 1606 году (е). Текст, помещенный нами

ниже сего, заимствован из сборника Рамузиева... Сборник этот также очень редок; но я имел случай; по особенной благосклонности Его Высочайшего превосходительства А.Н.Оленина, пользоваться им, равно как и сборником А.Мануцио, из Императорской Публичной Библиотеки” (Библиотека..., 1836, с.Х-ХІ, прим. е). Издание 1487 г осталось ему недоступно, о чем переводчик также написал прямо и однозначно: “К сожалению, это издание (в лист) весьма редко и не находится ни в одной из здешних Библиотек” (Библиотека..., 1836, с.9, прим. и). Если под последним изданием вдруг (вопреки нормам русского языка) у г-на Гончарова подразумевалась публикация Е.Ч.Скржинской, то опять попадание пальцем в небо: замечательная итальянистка дважды указала, что текст взят из альдовского издания 1543 г (Барбаро и Контарини..., 1971, с.8, прим.9, с.90, прим.18).

Вообще говоря, в тексте В.Н.Семенова невозможно не узнать редакции Дж.Б.Рамузио с его единообразным искусственным делением на главы³. Это удалось только такому крупному “специалисту в области специальных исторических дисциплин” как г-н Гончаров. Впрочем, в нужном месте издание 1606 г совершенно соответствует изданию 1559 г.

Но зачем же понадобилось такое насилие г-на Гончарова над источником? Зачем он высказывал предположения об исходных вариантах итальянского текста, если сами издатели конкретно и однозначно указывали свои источники? Ответ очень прост: по мнению новаторов, поздний источник всегда менее достоверный, чем ранний. Новаторы традиционно используют один прием: для того, чтобы игнорировать сведения источников, – объявлять их поздними. Магическое слово “поздний” без каких-либо обоснований оказывается достаточным, чтобы не замечать сведения. Но как раз, если следовать примитивно-механистическому подходу новаторов (ранний источник – всегда более достоверный, чем поздний), то однозначно получается, что Е.Ч.Скржинская пользовалась более ранней и более достоверной версией записок А.Контарини.

Но не стоит уподобляться. Оба текста были редактированы. Надо только попытаться понять, что в принципе могло быть в первоначальной версии дневниковых записей. Уже Е.Ч.Скржинская дала достаточное объяснение на этот счет (Барбаро и Контарини..., 1971, с.242, прим.88).

Пример предположения г-на Гончарова об исходном тексте очень хорош. Всегда, когда новаторы что-то предполагают, и это можно сравнить с данными источников, результат бывает только один: предположение неправильное. В целом ошибаются все, и академики исключением не являются, это

³ Дж.Б.Рамузио был очень хорошим редактором, но его издание – самое отредактированное.

просто нормально. Но новаторам удается как-то “всухую” делать только неправильные предположения. В трактовке текста Контарини это не так уж важно, перевода Е.Ч.Скржинской с примечаниями было вполне достаточно, чтобы понять источник полностью, хотя его можно и дополнить. Ниже предлагается текст со всеми имеющимися отношениями к маршруту деталями (Барбаро и Контарини..., 1971, с.220-226). Если бы он был достаточно знаком провинциальному читателю и редактору, то опус г-на Гончарова просто не появился бы, сразу бы стало видно, что этот автор не умеет читать. Буквальный перевод ключевой для понимания текста фразы дается ниже источника.

“Мы оставались в этом месте с 1 мая до 10 августа [1476 г.], т.е. до дня св. Лаврентия. [...]

Рассказывают, что в старые времена Астрахань была местом крупной торговли и те специи, которые отправлялись в Венецию из Таны, проходили через Астрахань. Насколько я слышал и мог понять, специи свозились именно сюда и затем переправлялись в Тану – ведь до нее, как говорят, всего восемь дней пути.

Как было сказано, мы уехали из Астрахани 10 августа, в день св. Лаврентия; я расскажу об этом ниже. [...]

Наш путь должен был пролегать прямо между двумя протоками Волги, но из-за того, что главный хан находился в состоянии войны с Касим-ханом, своим племянником (а этот Касим считал, что он сам должен быть главным ханом, так как таковым был его отец, раньше правивший Ордой, и потому между ними шла большая война), мы решили, что весь караван перейдет на другой берег реки и пойдет по нему до того места, где река подходит к узкой полосе между Танансом и Волгой; это требует примерно пять дней пути. После того, как караван минует эту узкую полосу, уже нечего бояться.

§ 21. Итак, все уложили свое имущество и продовольствие в несколько лодок, которые были здесь в употреблении, и перешли на другую сторону реки. Однако Марк пожелал, чтобы я остался с ним, потому что уговорился с послом, по имени Анхи-оли, взять меня из дома около полудня и идти к переправе, куда отправились лодки; это находится в 12 милях вверх по реке. Когда наступило время, мне велели сесть на лошадь, и вместе с тем послом и с моим переводчиком мы с опаской поехали, как только могли бесшумно, и прибыли к тому месту приблизительно за час до вечера. Мы уже готовились перейти реку, чтобы присоединиться к своим, как вдруг, когда уже наступила ночная тьма, Марк позвал меня с такой неистовой торопливостью, что я подумал, что настал мой последний час. Он велел мне сесть на лошадь, также моему переводчику и какой-то русской женщине, и ехать в сопровождении

одного татарина самого ужасного вида, какой только можно вообразить; он только и твердил мне: «Скачи, скачи быстрее!». Я повиновался – что же мне было еще делать! – и последовал за тем татарин. Всю ночь мы ехали, вплоть до полудня, и он не позволил мне слезть с коня ни на мгновение. Несколько раз я заставлял своего переводчика спрашивать его, куда он ведет меня, пока, наконец, он не ответил, что причиной, почему Марк отправил меня, было то, что местный правитель собирался послать искать меня на лодках; Марк боялся, что, если бы они меня нашли, они задержали бы меня.

§ 22. Это произошло 13 августа; когда к полудню мы приблизились к реке, татарин стал искать какую-нибудь лодку, чтобы переплыть на остров, находившийся на середине реки; там пасся скот того посла. Но татарин не нашел лодки; тогда он собрал сучья, связал их, как мог, а сверху положил седла и привязал все это веревкой к лошади. Затем, управляя лошадью, он переплыл на упомянутый остров, расстояние до которого от берега было равно примерно двум полетам стрелы из лука. Потом он вернулся за мной; я же, видя огромную опасность, разделся до рубашки и сбросил обувь: ведь я мог вполне легко перевернуться. С божьей помощью, но и с великим риском я был переправлен. Татарин вернулся еще раз и перевел лошадей. Затем, сев на них, мы поехали к его убежищу, покрытому войлоком; туда он меня и поместил. Шел уже третий день, как я ничего не ел; он из милости дал мне немного кислого молока, которое показалось мне превосходным.

Спустя некоторое время, туда пришло много татар, которые были на этом острове со своим скотом; они разглядывали меня с большим изумлением, дивясь, как это я попал к ним, – ведь здесь никогда не было ни единого христианина. Я молчал и изо всех сил притворялся больным.

Татарин был очень ко мне благосклонен; я думаю, что никто не мог ничего сказать из-за участия ко мне того посла, который был важным лицом. На следующий день, а это было 14 августа, т.е. канун праздника Богородицы, татарин, чтобы почтить меня, зарезал хорошего ягненка, зажарил его и [частично] сварил; при этом он не дал себе труда вымыть мясо, так как у них считается, что, если его вымыть, оно потеряет свой вкус; они также не снимают с него как следует пену, только делают это слегка при помощи ветки. [...]

§ 23. В таком положении я оставался до полудня 16 августа, когда подошел Марк вместе с караваном и стал на уровне нашего островка. Он прислал за мной татарина с одним русским из своих. Немедленно они посадили меня в лодку и перевезли к месту, где остановился караван. Священник Стефан и Дзуан Унгаретто, которые были уверены, что больше меня не увидят, /с.222/ возликовали, когда я появ-

вился, и возблагодарили господа бога. Марк снабдил меня лошадьми в нужном количестве.

Мы простояли там весь день 17 августа, а затем караван двинулся в путь, чтобы пройти по пустынной степи и направиться к Москве. Всем распорядился посол, а было там всего около трехсот человек русских и татар, а также более двухсот лошадей, которых вели как для пропитания, так и на продажу в России. В полном порядке мы двигались все время вдоль реки, тут же ночевали, а в полдень отдыхали. Так продолжалось 15 дней, после чего посол увидел, что мы находимся в безопасности, так как достигли упомянутого узкого перешейка и можем не бояться главного хана Орды.

[§ 24 ...]

§ 25. Пройдя 15 дней, двигаясь все время около реки, мы остановились в роще, где татары и русские принялись рубить деревья, растущие очень густо, и делать плоты – числом около сорока, – связывая их веревками, которые были привезены для этой цели. Пока они готовили плоты, мы обнаружили весьма ветхую лодку, и Марк решил послать в ней свое имущество на другой берег реки. Когда оно было переправлено и лодка вернулась обратно, он приказал мне сесть в нее с нашими седлами и небольшим нашим провиантом и переправиться на ту сторону реки, чтобы сторожить его имущество; мой же переводчик Дмитрий и Унгаретто должны были пока остаться, чтобы стеречь лошадей. В лодку сели я и священник Стефан вместе с двумя русскими, которые гребли и управляли лодкой, чтобы переплыть на тот берег; между берегами было расстояние не меньше одной мили и даже гораздо больше, принимая во внимание сильное течение, которое все время относило нас вниз, и лодку, которая дала течь. Мы вдвоем изо всех сил, как только могли, сидя в воде, выкачивали ее и пребывали в страшной опасности, но, с божьей помощью, переправились благополучно на противоположный берег.

Разгрузив лодку, русские хотели вернуться, но это оказалось невозможным, потому что лодка совершенно распалась; пришлось остаться всем, а нас было шестеро.

Утром караван должен был переправиться, но поднялся такой сильный северный ветер – он дул целых два дня, – что это оказалось невыполнимым. Мои спутники, оставшиеся стеречь лошадей, не имели ни чем пропитаться, ни чем укрыться, потому что я увез все с собой. Можно себе представить, что мы чувствовали в связи с этим. В таком положении я поинтересовался нашим провиантом и нашел, что он претерпел большой ущерб, что меня сильно напугало. Поэтому я решил упорядочить это дело, хотя и поздно, рассудив, что на горячий обед надо положить по одной чашке риса и столько же вечером, выдавая на душу то лук, то чеснок и

немного сухого кислого молока, с тем, чтобы несколько дней не прикасаться к нашим сухарям. Я раздавал рис всем по очереди, и каждый съедал свою порцию; я, конечно, имел столько же, сколько и они. В течение этих двух дней, что мы там сидели, мы нашли дикие яблоки и, чтобы сэкономить пищу, варили и ели их.

По истечении двух дней весь караван переправился на упомянутых плотках, на которые положили все имущество; на каждый плот пришлось по шесть-семь лошадей и несколько татар, которые их вели, привязав плоты веревками к лошадиным хвостам. Обнаженные татары заставили всех лошадей вместе войти в реку, чтобы разом совершить общую переправу. Так и было сделано; это было красивое и быстрое предприятие, но, конечно, весьма опасное.

§ 26. Переправившись и немного отдохнув, все погрузили свои пожитки и пустились в путь, покинув ту реку. По моему суждению, в ряде стран нет хотя бы приблизительно другой такой великой реки; шириной она более двух миль, берега ее высоки, и она очень глубока. С именем божьим на устах мы, как уже было сказано, пустились в путь и, как и раньше, шли на север, но часто поворачивали на запад, причем перед нами не было никакой дороги – все время только пустынная степь. Татары говорили, что мы находимся на уровне Сарая более чем на 15 дней пути к северу, но, по моему мнению, мы его уже миновали. Так продолжали мы идти одинаковым порядком: делали привалы в полдень и вечером в сумерках, отдыхали прямо на земле, и покрывалом нам служили лишь воздух да небо. Ночью мы неизменно были как в крепости, боясь возможного нападения, и постоянно выставляли три охраны – одну справа, другую слева, а третью спереди. Случалось, что мы не находили воды ни для себя, ни для лошадей в течение всего дня и даже вечером там, где оставались на ночлег. Во время всего путешествия мы почти не встречали никакой дичи. Правда, мы видели двух верблюдов и четыреста лошадей, которые паслись; говорили, что они отстали в прошлом году от одного каравана. Дважды мы опасались, что на нас нападут: один раз страх был напрасен, но другой раз мы повстречали около 20 телег и несколько татар, от которых никак не могли узнать, куда они идут. Путь был долгим, а еды у нас было мало, поэтому пришлось ее сокращать.

§ 27. Наконец, когда это было угодно богу, мы вступили на землю России. Это произошло 22 сентября [1476 г]. В лесу попались нам несколько человек русских из окрестных деревушек. Услышав, что в нашем отряде находился Марк, жители, которые были в ужасном страхе перед татарами, вышли и поднесли ему немного сотового меда. Марк угостил им меня, что было просто необходимо: ведь мы

едва двигались и дошли до крайнего состояния, так что с трудом держались на лошадях.

Мы уехали отсюда и прибыли в город, называемый Рязань; он принадлежит князьку, жена которого приходится сестрой великому князю московскому. Дома в этом городе все деревянные, так же как и его кремль. Здесь мы нашли и хлеб, и мясо в изобилии, и даже русский напиток из меда; всем этим мы хорошо подкрепились.

Уехав отсюда, мы двигались непрерывно по огромнейшим лесам и только к вечеру нашли русскую деревню, где и остановились; тут мы несколько отдохнули, потому что нам показалось, что это место было, с божьей помощью, безопасно.

Затем мы приехали в другой город, называемый Коломною и расположенный около реки Мостро. Здесь есть большой мост, по которому переходят эту реку, а она впадает в Волгу.

Уехали мы и отсюда. Марк послал меня вперед, потому что весь отряд должен был прийти позднее.

§ 28. Итак, 26 сентября 1476 г мы, с пением молитвы «Тебе бога хвалим» и вознося благодарения богу, который избавил нас от множества бед и опасностей, вступили в город Москву, принадлежащий великому князю Иоанну, властителю Великой Руси.

Всю ту огромную вереницу дней, пока мы ехали по степи, – а это было с 10 августа, когда мы вышли из Астрахани, и до 25 сентября, когда мы вошли в Москву, – мы готовили пищу за неимением дров на навозе. [...]» (Барбаро и Контарини..., 1971, с.220-224). Далее – переложение этого источника на бытовой язык.

Первоначально планировался путь в пойме между Ахтубой и Волгой, который по предварительным прогнозам должен был составлять 5 дней пути до места сближения Волги и Дона. Из-за политической обстановки каравану из послов и купцов пришлось изменить маршрут на левый берег Ахтубы. «Наш путь должен был пролегать прямо между двумя протоками Волги, но из-за того, что главный хан находился в состоянии войны с Касим-ханом... мы решили, что весь караван перейдет на другой берег реки и пойдет по нему до того места, где река подходит к узкой полоске между Танаисом и Волгой; это требует примерно 5 дней пути. После того, как караван минует эту узкую полосу, уже нечего бояться» (Барбаро и Контарини..., 1971, с.221). Такое изменение маршрута вполне оправдано, т.к. хан

Большой Орды, по сведениям этого же автора, находился «в степях Черкесии и около Таны» (Барбаро и Контарини..., 1971, с.220), «на пространствах между двумя реками – Доном и Волгой» (Барбаро и Контарини..., 1971, с.223).

Путешествие А.Контарини из Астрахани началось 10 августа, около полудня. Первый отрезок пути составлял 12 миль от Астрахани до переправы, куда Контарини вместе с русским послом Марком и переводчиком добрался приблизительно за час до вечера того же дня (Барбаро и Контарини..., 1971, с.221). 12-мильное расстояние от Шареного Бугра должно соответствовать приблизительно положению современного поселка Рассвет, у ответвления от Волги протоки Старая Волга. Отсюда можно также сделать вывод о средней скорости каравана: 12 миль – не менее 18 км, тогда дневной переход приблизительно в 2 раза больше, с поправкой на «свежесть» путников.

Ночью 10 августа («когда уже наступила ночная тьма») Амброджио, по настоянию Марка, пришлось пуститься в бегство в сопровождении татарского проводника, переводчика и русской женщины, но это произошло до переправы, следовательно, на правом берегу Волги. Далее для посла последовали двое с половиной суток быстрой верховой езды, ни о каких привалах за это время (вплоть до полудня 13 августа) венецианский посол не сообщил (Барбаро и Контарини..., 1971, с.222). Вполне естественно, что даже при смене лошадей скачка без привалов в течение такого времени невозможно, но очевидно и то, что имела место самая быстрая возможная верховая езда. Около полудня 13 августа Контарини переправился на один из островов Волго-Ахтубинской поймы, где дождался попутчиков.

Основной караван русского посла и купцов в ночь с 10 на 11 августа переправился (но зафиксировать этого венецианец уже не мог) на левый берег Ахтубы и двигался вверх по течению, по левому берегу. Он подошел к месту, где на острове ждал Контарини, только около полудня 16 августа (Барбаро и Контарини..., 1971, с.222). Сразу же венецианец переправился на левый берег Ахтубы. Это место, следовательно, приблизительно соответствует месту сближения Дона и Волги, если ориентироваться на предварительное сообщение Контарини на этот счет⁴. В действительности до сближения еще не дошли, предстоял дальнейший путь по левому берегу Ахтубы.

⁴ По мнению Е.Ч.Скржинской, переправа каравана на правый берег Волги состоялась 17 августа (Барбаро и Контарини..., 1971, с.96). Однако текст самого итальянца не позволяет признать это, т.к. весь день 17 августа караван был на привале, а переправа состоялась позже, через 15 дней, от выезда из Астрахани (с.223), когда в тексте же дается уточнение, что, по мнению русского посла, здесь караван достиг упомянутого перешейка между Волгой и Доном.

17 августа, на следующий день после воссоединения с венецианским послом, караван просто-рял на отдыхе. Утром 18 августа караван отправился в путь и добрался до места сближения Волги и Дона на 15-й день пути. Если кто-то подобно г-ну Гончарову посчитает, что отсчет этих 15 дней шел от безымянного острова, обращаю внимание, что перед Москвой А.Контарини считал дни пути от Астрахани, хотя появилась и более конкретная точка отсчета – дата пересечения границы России 22 сентября, что определеннее, чем безымянный остров. Странно как-то получается: сначала он считал от Астрахани, затем – от безымянного острова, а потом – опять от Астрахани. Для того, чтобы допускать такое, действительно надо быть новатором. Точка отсчета в 15 дней пути упомянута в тексте трижды. Это свидетельствует о том, что точка эта очень важная – место переправы. Естественно, расчет места переправы делался не от некоего безымянного острова, а от самой Астрахани, так было и в исходной диспозиции, когда говорилось, что этот путь должен занять 5 дней.

Положим, мы признаём глубокомысленное замечание г-на Гончарова: “Из обоих вариантов перевода следует, что отсчет 15 дней велся не от Астрахани, а от острова, с которого начался путь каравана к переправе через Волгу, то есть не с десятого августа, а с 17-го или 18-го”. Что получается тогда? Во-первых, совершенно бессмысленна фраза: “Сообщение же о местонахождении «на уровне Сарая» вообще не имеет временной привязки” (Гончаров Е.Ю., 2003, с.325). Как бы ни хотелось г-ну Гончарову, временная привязка есть, и особенно конкретная, если считать от острова. От острова караван отправился утром 18.08, на это источник указывает однозначно, тогда через 15 дней будет 02.09. Напоминаю, есть и территориальная привязка: “достигли упомянутого узкого перешейка” (Барбаро и Контарини..., 1971, с.222). Положим, что единственный Сарай – это Селитренное городище. Тогда получается, что от Астрахани до Селитренного городища караван добирался 24 календарных дня (с 10.08 по 02.09). А затем, как на крыльях, он добрался до Москвы (с 05.09 по 26.09). Сам того не понимая, г-н Гончаров применил уловку, которая переносит “единственный” Сарай на место приблизительно середины пути между Астраханью и Москвой.

Во время переправы через Волгу произошла задержка на 2 дня из-за ветра. Судя по отсутствию упоминаний островов, это было в районе ответвления Ахтубы от Волги (не ниже).

Сразу после переправы на правый берег (не прошло еще одного дня пути, а скорее, тут же) татары и сообщили послу, что они находятся в Сарае. К этому месту Е.Ч.Скржинская сделала важное примечание: “Не понятно в данном случае слово

Soria, что значит Сирия. Предполагаем, что здесь первоначально было написано название Сарай (Saraï), и татары сравнили свое нахождение в степи по долготе со своей столицей Сараем: «...они говорили, что мы были в Сарае (eramo nella Soria), но на 15 дней к северу от него». Рамузио (Ramusio, II, p.122v), не разгадав слова Soria, заменил его Таной (noi eravamo per tramontana più di quindici giorni sopra della Tana)” (Барбаро и Контарини..., 1971, с.242, прим.88). Этого примечания было достаточно, чтобы понять, что никакого “на уровне” в тексте нет. Речь шла о нахождении непосредственно “в Сарае”. Посудите сами, нельзя одновременно находиться и “в” объекте, и “на 15 дней к северу от него”. Это просто бессмыслица.

Затем последовало движение в Россию сначала по степи, потом по лесам. Прибытие в Москву – 25 или 26 сентября, скорее, первая половина дня 26.

Теперь для упрощения понимания обратимся к карте (рис.1). Известно, где находилась Старая Астрахань (Шареный Бугор). Если отложить от этого места приблизительно 12 миль вверх по Волге, то получим точку, вполне удобную для переправы у пос.Рассвет.

Откуда г-н Гончаров взял, что А.Контарини прибыл к переправе вечером 12.08 (Гончаров Е.Ю., 2003, с.324), – загадка. Я с пониманием отношусь к трудностям г-на Гончарова в области арифметики и географии, но тут и считать ничего не требовалось: сообщение источника прямое, конкретное, однозначное и не требует сложения и вычитания натуральных чисел. Может быть, как всегда, вычисление делалось “через Бердичев”, и г-ну Гончарову показалось, что лучше проигнорировать прямое указание и вычесть из полудня 13 августа время езды ночью и до полудня без остановок (до первой остановки)? Но для того, чтобы понять, что это не так, специально указано, что около полудня 13 августа “шел уже третий день, как я ничего не ел” (Барбаро и Контарини..., 1971, с.222). Также прямо сказано, что следующим днем было 14 августа (Барбаро и Контарини..., 1971, с.222).

Есть все основания полагать, что утром 11 августа караван был в районе современной Сеитовки и отправился оттуда по левому берегу. Поделив участок от Астрахани до сближения Дона с Волгой на 15 приблизительно одинаковых отрезков, мы отметим все движение каравана. Тогда легко определяется место, где находился остров, к которому А.Контарини добрался отдельно от каравана по правому берегу Волги, и где нашел пристанище с 13 по 16 августа.

Попутно отвечу на то нагромождение вопросов, которое рассыпал г-н Гончаров, не находя на них ответа в тексте. Они очень просты, надо только уметь читать и понимать. “Как понимать, что

сперва Контарини с попутчиками переправился на остров посреди реки (судя по описанию – Волги), а через 15 дней после похода по степи весь караван снова переправляется через Волгу уже в районе узкого перешейка?” (Гончаров Е.Ю., 2003, с.325). Начало пути Контарини приходилось на правый берег Волги, а караван шел по левому берегу Ахтубы. Для воссоединения венецианцу надо было переправиться через Ахтубу. А затем всем вместе надо было переправиться через Волгу. В источнике предельно подробно объяснено все. Контарини переправлялся через реки не 2, а 3 раза, а основной караван – дважды. Причиной бегства было то, что правитель Астрахани “собирался послать искать меня на лодках; Марк боялся, что, если бы они меня нашли, они задержали бы меня” (Барбаро и Контарини ..., 1971, с.222). Надо было оторваться от каравана. Правый берег Волги, скорее, контролировал главный хан, поэтому для основного каравана было опасным движение даже по Волго-Ахтубинской пойме. На острове же были знакомые проводника, которые могли накормить и спрятать.

Обратите внимание на продуманные вопросы г-на Гончарова: “Сообщение же о местонахождении «на уровне Сарая» вообще не имеет временной привязки. Когда татары сказали Контарини об этом? По достижении переправы? Тогда речь идет о Селитренном городище. Или через какое-то время пути по степи к северу с частыми поворотами к западу? Тогда возможно говорить и о Царевском” (Гончаров Е.Ю., 2003, с.325).

Но из источника однозначно следует, что сообщили после переправы, а не “по достижении”. Мало того, ни одна из трех возможных переправ участников путешествия не находится рядом с Селитренным городищем. И движение на север и запад тоже было после последней переправы на правый берег Волги в районе сближения с Доном.

Как бы ни хотелось г-ну Гончарову, переправа имеет и хронологическую (а при отсчете дней от острова – особенно), и территориальную привязку. Незначительная корректировка может быть связана с днями стоянки и неполными днями движения. Увы, не всегда понятно, учитывались ли только календарные дни или только дни фактического пути, но это не меняет схемы принципиально. В силу того, что в третий раз 15 дней упомянуты уже на правом берегу Волги, можно даже допустить, что это 15-16 календарный день после выезда из Астрахани. Тогда все движение каравана по левому берегу – около 12 дневных переходов (несколько менее). Но последний вариант подсчета – менее вероятен. Для исключения новых уловок на рис.1 показан расчет и по календарным дням (в этом случае средняя величина дневного перехода меньше), и по дням фактического движения, чтобы наглядно

можно было сравнивать минимальную и максимальную величину перехода. Разница между обоими вариантами невелика.

В тексте четко оговорен полный день отдыха – 17.08. По половине дня караван двигался 10.08 и 16.08. Вероятно, неполный день – последний, когда прибыли к месту сближения Волги и Дона (на 15 день). Таким образом, число отрезков может быть сокращено до 12 или, наоборот, увеличено до 17-18, если учитывались не календарные, а только 15 дней движения. Но общий контекст таков, что, скорее, надо считать, что указаны календарные дни пути.

В любом случае, получается вполне реальная величина дневного перехода для большого каравана, вполне соотносящаяся с первым днем движения, когда с полудня до заката караван прошел 12 миль (около 18 км). Двигался он не очень медленно, как посчитал В.Г.Рудаков, и явно проходил больше, чем 22-23 км в день (Рудаков В.Г., 1999, с.96). Как известно, скорость эскадры определяет самый тихоходный корабль. Чем больше караван, тем медленнее он движется. Переход в 40-50 км является совершенно нормальным даже для большого числа путников. Здесь же караван состоял из приблизительно 300 человек и более 200 лошадей, которых надо кормить. Даже у людей были проблемы с провизией, поэтому рассчитывать на использование фуражного зерна не приходится. Во второй половине августа степь выжжена солнцем. Понятно, что татарские лошади отличались неслыханной выносливостью, но и их хозяева заботились о животных, поэтому наверняка были “крюки” и остановки для выпаса. Следовательно, фактическая скорость была еще больше. Текст допускает, что последняя переправа была сделана существенно выше места ответвления Ахтубы от Волги, но Сарай-Сирию тогда никак не увязать с этим местом.

Любые разумные колебания величины дневного перехода исключают сам факт пребывания венецианского посла на Селитренном городище. Это просто нереально. Поэтому никаких ассоциаций у путешественника оно вызвать не могло, как и воспоминаний у татар, давно прошедших его к моменту встречи, не говоря уже о моменте переправы на правый берег Волги.

Через Царевское городище Контарини должен был проходить, но никаких упоминаний о развалинах он не оставил. Во-первых, он мог это просто не считать нужным. Например, в Астрахани он прожил в страхе больше 3 месяцев, а визуальная характеристика города заняла 1 предложение, остальные же сведения – это или то, что было известно всем купцам, или жалобы на бесчинства татар. Во-вторых, венецианского посла могли и просто провезти так, что развалины не были заметны (например, за-

росли лесом, и их не было видно с высокой террасы или непосредственно с берега). В-третьих, он мог общаться с татарами только через переводчика и особой любознательности в этом деле не проявлял. Да и само сообщение татар могло последовать не "по достижении переправы" (Гончаров Е.Ю., 2003, с.325), а только после. Контарини и в этот раз переправился в числе первых и 2 дня находился на правом берегу, где татар не было (только священник Стефан и двое русских).

Если разложить весь путь от Астрахани до Москвы на отдельные отрезки, то результат определения длины перехода получится приблизительно таким (рис.2). В данном случае достоверно известны календарные даты начала и конца путешествия (10.08 – 25 или 26.09). Текст позволяет исключить оговоренные простои первого отрезка (2 или более), 2 дня вынужденного ожидания переправы через Волгу, возможно, также день отдыха в безымянной деревушке между Рязанью и Коломной и собственно 26 сентября (в этот день, видимо, не готовили пищу). 47–6=41 день. Вполне возможно, что в тексте просто не упомянуты какие-то необходимые дни отдыха каравана в безопасной зоне.

Даже сильно спрямленное расстояние между Астраханью и Москвой составляет около 1400 км (во всяком случае, не менее 1320). Если мы его поделим на число календарных дней (включая дни стоянки и неполного движения – 48), то получим минимальную среднюю скорость – 29,2 км. Даже эта скорость нормальна для большого каравана. Прямо оговоренных дней стоянки – 3, неполных дней движения – 4, что можно приблизительно приравнять к пропуску 2 дней в пути. Тогда на весь срок выходит 43 дневных перехода со средней скоростью около 32,6 км. Если допустить, что хотя бы 1 день был проведен в деревушке между Рязанью и Коломной, а также возможные неполные дни при входе в Рязань и Коломну, то средняя скорость еще увеличится до 34, 1 км. А если добавить к расстоянию поправку на изгибы дороги, а также то, что посол мог просто не упомянуть положенные каравану через 5-7 дней дни отдыха, то и вовсе получится нормальная скорость для большого каравана – 35-40 км.

Обратите внимание: после отхода от Волги Контарини ни разу не упомянул переправы через реки. Конечно же, переход небольших рек вброд мог показаться путешественнику недостаточно значительным для упоминания. Но, скорее всего, он не упустил бы случая пожаловаться на опасности переправы в связи с тем, что промочил ноги, и вернуть какую-нибудь фразу о "татарине самого ужасного вида" (Барбаро и Контарини..., 1971, с.221), который недостаточно быстро его выгасил (такую характеристику он дал своему фактическому спа-

сителю, татарину-проводнику). Тогда получается, что путь каравана должен был проходить где-то в районе верховьев Иловли и Медведицы, потом между истоками Хопра и Суры, затем Воронежа и Цны. Тогда путь только от переправы до Москвы составил бы порядка 1400 км. Средняя скорость получается совсем не медленной.

Теперь рассмотрим ключевую, с точки зрения локализации Сарая, фразу. Она может поставить в тупик любого редактора и переводчика, что и привело к вопиющему насилию над текстом. С одной стороны, общий контекст таков, что на пути венецианского посла до въезда в Россию была чистейшая пустыня. Сам Контарини не заметил ничего. 18 августа "караван двинулся в путь, чтобы пройти по пустынной степи и направиться к Москве" (Барбаро и Контарини..., 1971, с.222). После переправы повторено почти то же самое: "...пустились в путь и, как и раньше, шли на север, но часто поворачивали на запад, причем перед нами не было никакой дороги – все время только пустынная степь" (Барбаро и Контарини..., 1971, с.224). Вполне понятно, что никакой дополнительной ориентир, тем более столица Золотой Орды, в этот контекст не вписывается. Это и спровоцировало жесткое редактирование и погрешности перевода именно этой фразы, хотя в целом разночтений в изданиях немного. Здесь необходима реконструкция авторского текста, который был записан или сразу после сообщения, или спустя недолгое время, в Рязани, Коломне или Москве.

Теперь несколько слов о критическом издании сочинения А.Контарини. Первое прижизненное издание "Записок" (Ганнибала Фоссио, 1487 г) оказалось недоступным при подготовке. Исследователи ограничились ссылкой на него по каталогу Британского музея и рукописью Кодекса Коррер, копирующей колофон первого издания с измененной на век датой – 1587 г. Эта рукопись палеографически датируется 2-й пол.XVI в. Также были использованы издания Франческо Биндони и Мафео Пизани 1524 г; сыновей Альдо 1543 г и собственно Рамузио (Contarini A., 1973, pp.34-35). За основу был взят текст старшей публикации (1524 г), а к нему даны разночтения. Как видим, оригинальный текст первого издания 1487 г еще не привлекался. Формулировка в нем сверена по имеющемуся неполному (без первой тетради) экземпляру РНБ (шифр – 9.XIII.3.29), в ней действительно упоминается Тана, но так же, как в издании 1524 г (f.е3г). Рассмотрим редакции фразы в обратном хронологическом порядке.

Фраза в издании Дж.Б.Рамузио (и в Кодексе Коппер): "Col nome di Dio, com'è detto, ci mettemmo à cammino: et si come da prima camminavamo per tramontana, così poi molte volte per ponente, non si mostrando segno di via alcuna, ma tutto era campagna deserta: li Tartari diceano, che noi eravamo per tramontana

piu di quindici giorni sopra della Tana, la qual secondo me haveamo passata...” (Ramusio G., 1559, p.175).

Не буду повторять перевод В.Н.Семенова. Совершенно разумно Е.Ч.Скржинская учла этот искаженный текст только в примечании, он слишком существенно правлен. В.Н.Семенов искажил источник еще больше, добавив свои слова.

Специально перевожу буквально и вынужденно коряво, не считаясь с сочетаемостью слов в русском языке. Так ближе к источнику, a sapientis sat. “С именем Божиим, как сказано, мы пустились в путь, и как сначала шли на север, так затем много повернувшие (volte – мн.ч. от volto – participio от volgere, поворачивать) на запад, не показывался признак какой-либо дороги, но все была пустынная степь. Татары говорили (правильная форма должна быть dicèvano), что мы были на север более пятнадцати дней выше Таны, которую, следуя мне, мы прошли”.

Начнем с того, что заключительная часть фразы вовсе не содержит противительного значения: нет там никакого “но”. И слова “уже” там тоже нет, оно может быть добавлено только для того, чтобы передать предпрошедшее время. “Secundo me” действительно может переводиться “по моему мнению”, но дословно это – “следуя мне”, “по мне”, следовательно, нормальный смысловой перевод – “как я сказал”. Поэтому вопрос “Почему венецианец считал, что Сарай они уже миновали?..” беспредметен. Венецианец так не считал.

В редакции Дж.Б.Рамузио было представлено самое простое решение проблемы. В пустынную степь не вводились никакие новые непонятные объекты, а “стрелки были переведены” на предмет более понятный и знакомый, самый близкий к описываемому маршруту – Тану, что и отметила Е.Ч.Скржинская. Тем более, Дж.Б.Рамузио сотрудничал с Дж.Гастальдо (Волков И.В., 2003а, с.241-249), и уж ему-то больше других была понятна неуместность Сирии. Тогда появляется и некоторая внутренняя взаимосвязь текста. Около Таны мог

находиться главный хан орды (император), теперь было уже безопасно, поэтому “мы находимся выше Таны”. Правда, тогда не понятно, причем здесь 15 дней пути, которые проехали.

Несоответствие исходной фразы общему контексту спровоцировало и столь жесткие искажения перевода. В.Н.Семенов как раз хорошо знал местную географию, и местоположение Сарая в те времена не было спорным, но в тексте Дж.Б.Рамузио стояла Тана, которая также не очень вяжется с местом фразы в тексте.

Фраза в издании Альдо 1543 и 1545 гг: “Tartari diceano, eramo nella Soria piu di diomate XV per tramontana, la qual secondo me haveamo passata” (Contarini A., 1545, f.87 v).

“Татары говорили, мы находились в Сирии (Сарае) более 15 дней на север, которую, следуя мне, мы проехали” (название и города, и страны должно быть в женском роде).

Как видим, в редакции 1543 г сделана минимальная правка, которую вообще можно сводить только к разночтению в орфографии собственного имени и местоимения: Soria вместо предполагаемого Sara или Sarai. Таким образом, редактор избавлялся от необходимости объяснять введение в текст нового географического объекта. О Сирии шла речь при обсуждении маршрута возвращения венецианского посольства из Персии на родину: это был более короткий и менее опасный путь⁵. И все же, несмотря на очень туманные представления большей части потенциальных читателей об Азии, получалось совершенно непонятно, при чем здесь Сирия.

Е.Ч.Скржинская поняла, что речь идет о Сарае, а в примечании даже дала правильный вариант перевода части фразы, но ей, должно быть, было понятно, что на правом берегу Волги никакого Сарая нет. Комментарий Е.Ч.Скржинской “по долготе” – результат того, что историки, тем более переводчики, часто далеки от географии, и в данном случае Е.Ч.Скржинская просто спутала долготу с

⁵ Здесь мы также сталкиваемся с очередной неточностью перевода В.Н.Семенова (Библиотека..., 1836, с.74, 161-162). “Оставшись, как выше сказано, одни, мы долго рассуждали между собою о том, что надлежит нам предпринять и наконец положили отправиться назад через Шемаху в Татарию. Многие советовали мне пуститься через Сирию; но я не послушался их и предпочел дожидаться в Фазисе совершенного моего выздоровления” (Библиотека..., 1836, с.74). В действительности по тексту за движение по “Татарскому проходу” были все спутники Контарини, кроме одного, который хотел ехать через Сирию. О выздоровлении речи не было. Текст критического издания: “Rimasti tutti sintieri, rasonammo fra di noi qual parti dovevamo tuor. Deliberassemmo, et fu per mia opinion, di ritornar adrieto a la volta per Samachi per passar la Tartaria. Era di quelli volea andasse per la Soria; non volsi tuor per niente tal via. Fume pur facto qualche manzaria in dicto luogho dal Fasso” (Contarini A., 1973, p.206). “Разжевав все дороги, мы рассуждали между собой, как мы должны возвращаться. Мы решили, и это было по моему мнению, вернуться назад через Шемаху и по проходу Татари. Был среди тех [один, который] хотел идти по Сирии и совсем не хотел идти такой дорогой. Я испытывал в действительности некоторый недостаток в упомянутом месте Фассо”. В действительности дорога через Сирию была менее опасной, но А.Контарини изыскивал все возможности, чтобы остаться и при случае пересечь османскую границу вместе с войском Узун Хасана, за что получил бы солидный гешефт.

широтой. Для В.Г.Рудакова это вообще оказалось непреодолимой сложностью, и “видимо на одной долготе” он добавил как бы от себя (Рудаков В.Г., 1999, с.98). Обращаю внимание: “на одной долготе” – значит “на одном меридиане”. В этом случае, по В.Г.Рудакову, Сарай окажется где-то в безводных калмыцких степях (подходящее место для Селитренного городища!).

Попробуем определить первичность географического ориентира: Тапа или Soria. Для этого надо поставить себя на место редактора, который по определению стремится привести текст к внутренней согласованности. Заменить Тану на Сирию – значит сделать текст еще более непонятным. Замена Сирии Таной, находящейся во всяком случае в татарских владениях, – нормальный для редактора ход (ср.: Барбаро и Контарини..., 1971, с.27, прим.62). Если же в пустынном месте упомянут Сарай, то другой путь редактирования – заменить его на упоминавшуюся прежде в связи с маршрутом Сирию. Но вставка Сирии на место Таны – просто нелепость.

Фраза в критическом издании Рамузио, основанном на издании 1524 г: “Tartari diceano eramo forani da la Tana più de zornate . XV . per tramontana, che secundo mi l’aveamo passata” (Contarini A., 1973,

р.219). Это идентично первому изданию 1487 г.

“Татары говорили: мы были снаружи (с внешней стороны) от Таны, более 15 дней на север, которые, следуя мне, мы проехали”.

Как видим, здесь в качестве ориентира опять дана Тана. Следовательно, этот вариант редактирования был придуман еще до Дж.Б.Рамузио. Но здесь сохранились еще 2 слова, которых нет в более поздних редакциях. Forani (современная форма – foraneo) может рассматриваться как множественное число прилагательного или как прилагательное с функцией наречия. Значение прилагательного – внешний, находящийся со стороны моря, загородный. Тогда возможный вариант перевода – “мы были – загородные от Таны”, то есть путники были за городом. Второе слово – che, которым вводится придаточное предложение о пройденных днях. Оно может относиться к любому числу и роду (что и допустило вольности редактирования). Оно значит “что”, “который”, очень редко – “когда”. Положение в предложении свидетельствует о том, что местоимение относится к дням.

Итак, имеющиеся варианты позволяют реконструировать текст так, что в нем вообще не будет противоречий, поскольку развалины Сарая начинались у места ответвления Ахтубы.

Tartari diceano eramo forani da la Saraia [Soria, Sara, Sarai] più de zornate . XV . per tramontana, che secundo mi l’aveamo passata.	Татары говорили, [что] мы были за городом от Сарая, более 15 дней на север, которые, как я сказал, мы проехали.

Сразу же возникает вопрос: как проверить реконструкцию фразы. Отягчается он тем, что рукописи сочинения, предшествующие первому прижизненному изданию, не известны.

Для решения вопроса о положении Сарая обратимся к имеющимся сведениям. Пусть указание Контарини недостаточно конкретно и в определенном смысле даже ошибочно. Но у наших современников уровень знаний вовсе не тот, что во времена Дж.Б.Рамузио, когда Поволжье было неизвестной землей и локализовать пункты надо было в пределах большого белого пятна. Слову Soria в регионе созвучен только Сарай. Мы имеем 2 самых больших городища на левом берегу Ахтубы – Царевское и Селитренное, которые претендуют на название Сарай. Надо определить, к какому из них относится название Сарай (Soria) из сочинения Контарини. Рядом с Селитренным городищем венецианец не проезжал, он был на противоположном берегу. Известно, что это место расположено более, чем в 15 днях пути от Астрахани (по г-ну Гончарову – еще севернее), а место, где оно упомянуто, уже на правом берегу, в районе перешейка между Доном и

Волгой, приблизительно там, где оно отмечено на рис.1. При этом Царевское городище – гигантское, развалины начинались в районе ответвления Ахтубы и тянулись ниже приблизительно на 90 верст (Книга..., 1950, с.143; Волков И.В., 2000а, с.123-126). Поэтому Сарай действительно находился на противоположном берегу от места переправы каравана.

Очевидно, что связь слова Soria с Царевским городищем вполне реальна, а с Селитренным – просто бессмысленна.

Размеры Царевского городища

Поскольку новаторы упорно пытаются ограничить Царевские развалины планом городища, сделанным Г.А.Федоровым-Давыдовым, рассмотрим и этот вопрос. Он важен для понимания источников.

Самую большую протяженность Царевских развалин указывает Книга Большому чертежу (1627): “А на луговой стороне ниже Царицына го-

рода из Волги потекла река Ахтуба (Зри о Золотой Орде), а по реке по Ахтубе на 90 верст от Царицына, Золотая Орда, мечети стоят татарские каменные многие” (Книга... 1950, с.143). В 1768 г академик Самуил Готлиб Гмелин отметил, что “сии остатки в длину по краю степному простираются на 38 верст, а в ширину только на одну” (Гмелин С.Г., 1936, с.267-268). Годом позже академик Иван Иванович Лепехин определял только северную границу Царевского городища (до южной он не доехал) приблизительно в 7 верстах от ответвления Ахтубы от Волги и 30 верстах от Царевых Пад (г.Царева) (Лепехин [И.И.], 1821, с.470-471; Лепехин И., 1936, с.236-237). Между двумя указанными расстояниями есть противоречие, т.к. от точки, расположенной в 7 верстах от ответвления Ахтубы, до Царева значительно дальше – приблизительно 42 км (около 40 верст). Большое доверие вызывает указанное расстояние от ответвления Ахтубы, поскольку до Царевых Пад (самого центра развалин) путешественник не доехал. Таким образом, общая протяженность северной половины городища должна была составлять не менее 40 км.

Приблизительно в то же время (1770 г) были сделаны записи академика Иоанна Петра Фалька: “На левом берегу Ахтубы, при деревне Безбородной, у двух ахтубинских речек, которые калмыки называют Мухар Хасун Сала и Ике Хасун Сала (современные Кальгута и Царевочка – И.В.) находится Царевопадь, по-русски Царев лут, по-калмыцки Джан Вохани Балхазун (Хана Воханиса старый город, татарски Кара Кошар) – развалины большого города... Место, где находятся сии развалины, простирается на 9 верст в длину и на 5 верст в ширину. Оне состоят в кучах щебня и фундаментах от стен из больших и твердых кирпичей; на поверхности же, сколько люди помнят, не было ничего” (Фальк И.П., 1824, с.126). Как видим, здесь длина городища названа значительно меньше, чем у предшественников, а ширина – значительно больше. Объясняется это тем, что И.П.Фальк осмотрел только сам центр развалин, но углубился в степь дальше других.

По мнению А.Ф.Леопольдова, длина развалин по течению реки равнялась приблизительно 70 верстам при разной плотности построек: “Начинаясь подле Безродного или Верхне-Ахтубинского, тянутся развалины верст на 70 по самому гребню сырта до с.Пришиба, мимо сел Средне-Ахтубинского и Заплавного. Развалины сии то часты, то редки, то велики и обширны, то малы и незначительны, однако везде выказывают кирпич, глину, известь. Далее от села Пришиба, до деревни Колобовщины, на 15 верстах видны развалины почти сплошные и большею частью огромные. Это остатки бывшего города Сарая” (Леопольдов А.Ф., 1839, с.97). Этот краевед также описал особенно крупные скопления

на общем пространстве развалин, которые сейчас считаются отдельными городищами.

Художники братья Г. и Н.Чернецовы, посетившие городище в 1838 г, определяют окружность развалин приблизительно в 40 верст, причем остатки огромного здания в Колобовщине они считали отдельным от городища памятником (Чернецовы Г. и Н., 1970, с.137). А.В.Терещенко и за ним В.В.Григорьев определяли размеры городища (кроме явно эмоциональных оценок) более осторожно: от с.Пришиба до с.Колобовщины, что составляет около 20 верст, а наиболее насыщенная часть – длиной около 11 верст. Центром развалин с максимальной плотностью построек они считали внутреннюю часть этого пространства на 4 версты к западу от Царева (Григорьев В., 1998, с.4).

Сотрудник Археологической комиссии А.А.Спицын, будучи общепризнанно осторожным исследователем, вновь обратил внимание на рассеянные остатки построек, в его время фиксированные на поверхности, их он также связывал с периферией Царевского городища: “От с.Колобова далее идет возвышенный ровный берег, уже не сопровождаемый «грядой». Здесь в разных местах разбросаны “аулами” небольшие возвышения с остатками кирпичных построек, но такие аулы можно проследить только за 8 верст, не доезжая до с.Владимировки” (Спицын А.А., 1895, с.90). Село Владимировка соответствует современному городу Ахтубинску, расположенному приблизительно в 70 км к юго-востоку от Колобовки. Таким образом, южную границу городища А.А.Спицын расширял приблизительно на 61,5 км по сравнению с оценками предшественников. Следовательно, определения протяженности городища в северной части И.И.Лепехиным и А.Ф.Леопольдовым (от Царева до с.Безродного или самого ответвления Ахтубы) не являются сильно преувеличенными. Эти определения были сделаны исключительно благодаря лучшей сохранности развалин во 2-й пол.XVIII – 1-й пол.XIX в., хотя плотность развалин (и распространения культурного слоя), естественно, резко уменьшалась по мере удаления от центра городища.

Начиная со времени исследований Ф.В.Баллода, описания остатков городища (за исключением передачи старых цитат из А.Ф.Леопольдова) касаются значительно меньшей территории – около 12 км в длину, с площадью внутри вала около 2 км² (Баллод Ф.В., 1998а, с.19). В пределах полосы побережья, которую в XIX в. относили к Царевскому городищу, Ф.В.Баллод выделил несколько самостоятельных поселений: Погромновское, Ахтубинское, Безродное, Заплавное (Баллод Ф.В., 1923, с.16, рис.2). Примечательно, что общую протяженность полосы отдельных поселений это даже увеличивает, так

как Погромновское городище в XIX в. не считали частью Нового Сарая. В настоящее время определения Ф.В.Баллода относительно числа и размеров отдельных поселений в пределах “Царевских развалин” являются признанными (Егоров В.Л., 1985, с.111-113). Даже поселение в с.Колобовке, которое А.В.Терещенко и А.А.Спицын считали частью золотоордынской столицы, теперь выделяют в самостоятельный памятник (Блохин В.Г., 1999, с.171-174), причем автор, определявший его размеры в 1998 г, не заметил ни центрального холма поселения, ни участков с горнами и слоем на берегу р.Царевочки, которые были без труда зафиксированы А.А.Спицыным (Спицын А.А., 1895, с.90-91). Таким образом, оказывается, что в 1920 гг произошел качественный перелом в оценке протяженности Царевского городища в сторону уменьшения. Это было связано с постепенным разрушением мелких построек в пригородных и садовых районах золотоордынской столицы.

Объяснение может быть и проще. Ф.В.Баллоду просто хотелось увеличить число золотоордынских городов. Этим грешили и более поздние исследователи, но что справедливо указывал Г.А.Федоров-Давыдов (1994, с.41). Но на мой взгляд, даже с точки зрения создания идеологии татарского национализма, привлекательнее иметь золотоордынскую столицу, превышающую по протяженности современный Волгоград. Он и сейчас – самый длинный город на Земле, а у Сарая XIV в. просто не было ближайших конкурентов по длине (и это не противоречит данным источников). По численности населения в течение короткого времени он также явно превосходил все города Европы, хотя существенно уступал крупнейшим китайским.

Таким образом, после переправы на правый берег Волги приблизительно в районе ответвления Ахтубы путешественник действительно оказывался за пределами Сарая, можно сказать и “за городом”, а на противоположном берегу начинались развалины былой столицы.

В результате на пару риторических вопросов – “Поможет ли ответить на эти вопросы источниковедческий анализ записок о путешествии, прошедших авторскую редактуру и содержащих ряд сведений, изложенных по памяти? Или же, свидетельства А.Контарини так же придется отложить, как имеющие двойное толкование?” (Гончаров Е.Ю., 2003, с.325) – можно дать только один ответ: откладывать не придется. Двойного толкования источник не допускает.

Агонизировать в интерпретации этого источника можно было бы другим путем: утверждать, что речь шла не о Сарая, а о Сирии или еще о чем-нибудь другом. Собственно говоря, существуют европейские карты, на которых в Поволжье обозна-

чалась Сирия, но для них всего лишь была использована словесная информация того же Контарини. В любом случае, увидеть в сочинении А.Контарини указание на Сарай – Селитренное городище, равно как и не увидеть указания на Царевское, – это приговор на всю жизнь.

“Путешествие” Дионисия

Кавычки поставлены не случайно, летописные сведения очень кратки и подробностей маршрута не дают. Даже даты связанных с этим событий очень скупы, и восстановление маршрута приходится вести по пути выделения наиболее вероятного. События летописной статьи связаны с “Повестью о Митяе”, старшая редакция которой содержится в Рогожском летописце, Симеоновской и Троицкой летописях, текст последней известен по выпискам Н.И.Карамзина (Прохоров Г.М., 1978, с.4-5,125-128).

Сообщение летописи очень кратко: “Того же лета поиде въ Царьградъ и Дионисии, епископъ Суждальскыи, въ судехъ Волгою къ Сараю, бе бо преже князь великий Дионисию възбрани ити въ Царьгородъ съ Митяемъ и не попусти того ради, еда како спону сътворитъ въ Царегороде поставлению его. Дионисии же темъ преухитри князя великаго, словомъ убо обещася не ити въ Царьгородъ въкупе съ Митяемъ, но пождавъ долго время, дондеже поставление приминет[ь], и на томъ слове введе въ поруку князю великому игумена Сергия, преподобнаго старца, и потомъ, поручника выдавъ, не пождавъ ни единаго дни, поиде дрътъ съ Митяемъ въ едино время, токмо не въ единъ путь. Митяи поиде по суху къ Орде, а Дионисии Вльгою въ судехъ къ Сараю” (Рогожский..., 2000, с.114; Симеоновская..., 1997, с.186-187; Рогожский..., 1922, с.124-132; Симеоновская..., 1913, с.121-125; Карамзин Н.М., 1892, с.16-18, прим.54-60).

Предшествовало этому следующее. До смерти митрополита Алексея в Константинополе был поставлен второй митрополит, находившийся на территории западнорусских земель (Литвы), Киприан. После смерти Алексея великий князь не принял Киприана, а выдворил его из Москвы, выдвинув свою кандидатуру в митрополиты – московского попа Митяя-Михаила. Изгнанному Киприану пришлось отправиться “искать правды” в Константинополь. Митяй же до утверждения патриархом и собором занял митрополичьи палаты, принял знаки отличия и потребовал “поклона” епископов. Нашелся единственный епископ, Дионисий Суздальский, который воспротивился этому. Произошел острый скандальный конфликт, затем арест Дионисия и отпуск его на поруки Сергия Радонежского

с условием не ехать в Константинополь до поставления и возвращения Митяя. Тем не менее, Митяй и Дионисий отправились к патриаршему престолу почти одновременно.

Последующие события также дают лишь косвенную информацию. О пути Дионисия известно только то, что значится в выдержке из летописи выше. Фраза г-на Гончарова о том, что маршрут Дионисия описан (Гончаров Ю.Е., 2003, с.323), свидетельствует или о полном незнакомстве с летописями, или о буйной фантазии. Митяй же двинулся через степь, переправившись через Оку 26.06.1379 г, вскоре был задержан ненадолго Мамаем, но все же получил ярлык и отправился в Каффу. Далее шло плавание на корабле, но поблизости от Константинополя претендент на пост митрополита умер (приблизительно в конце сентября 1379 г) (Прохоров Г.М., 1978, с.88).

Оставшиеся послы составили заговор уже на борту корабля, решив выдвинуть в митрополиты Пимена. Для этого пришлось воспользоваться чистым «бланком» пергамента с княжеской печатью и написать на нем просьбу от Дмитрия Ивановича и всей паствы о поставлении Пимена. Единственный противник подлога – архимандрит Иван Петровский – был закован уже на борту. Общая политическая обстановка была сложной: смена власти в Константинополе, противостояние венецианцев и генуэзцев, генуэзская блокада столицы (Прохоров Г.М., 1978, с.88).

Ситуация резко поменялась: у Киприана и Дионисия было достаточно «компромата» на Митяя, но против Пимена возразить было нечего, а подложная грамота вполне допускала, что сам великий князь назначил его преемником. Тем не менее, все же состоялось дознание, но клятвы послов под страхом отлучения решили спор в пользу Пимена в июне 1380 г (Прохоров Г.М., 1978, с.93). Источники не дают информации о том, кто именно предоставил информацию для разбирательства. Но список предполагаемых лиц ограничен, поскольку при расследовании и каноническом суде по русскому вопросу в патриархии в ближайшее последующее время свидетелями и обвинителями были единицы.

В первую очередь, это мог быть Киприан, но он сам не явился на суд (Прохоров Г.М., 1978, с.95,99-100), и у него не было свежей информации из Москвы, чтобы заподозрить подлог.

Мог вырваться из заключения Иван Петровский (Прохоров Г.М., 1978, с.96), но тогда решение в пользу Пимена было бы значительно менее вероятным. Да и сведения об этой персоне как-то теряются на моменте ареста. Если бы его донос дошел до патриархии, то это со временем стало бы известно и Киприану. Тогда искусный памфлетист непременно обыграл бы этот факт.

Показания младших по должности представителей посольства и тем более обслуживающего персонала вообще в расчет не шли, хотя «и бысть их полк велик зело». Остается Дионисий Суздальский.

Естественно, прямых указаний на это в источниках нет. Допустимы сотни других каналов утечки информации от послов, например, подслушанные разговоры. Но все же мнение о том, что Дионисий прибыл в Константинополь уже после решения дела (Прохоров Г.М., 1978, с.81), не подтверждается вообще ничем. Не поддаются проверке и умозрительные предположения о смене внешности Дионисием во время бегства, встрече с сарайским епископом Матфеем, обходе Черного моря с юга, через Трапезунд (Прохоров Г.М., 1978, с.81).

Этот набор событий и послужил основанием для определения положения Сарая, естественно кратко: «Путешествия представителей русского клира в Константинополь водным путем могли начинаться на Волге, а промежуточным пунктом был Сарай, что возможно только в том случае, если город находился рядом с волоком в Дон. Под 1379 г говорится о поездке суздальского епископа Дионисия [Воскресенская летопись, 1998, с.50,54; Симеоновская летопись, 1997, с.186-187] ...Если признать, что этот Сарай соответствовал Селитренному городищу, то было возможно дальнейшее движение вниз по Волге к Хаджитархану, затем сухим путем до Азова, а далее – на чужих судах по морю до Константинополя. Но для епископа Дионисия важнее всего была скорость, поэтому едва ли он выбрал бы маршрут, идущий через Сарай – Селитренное городище, предполагающий длительный сухопутный переход» (Волков И.В., 2000б, с.333).

У г-на Гончарова этот текст вызвал премного недоумения: «Далее автор считает, что Сарай мог быть промежуточным пунктом на Дон, если бы «находился рядом с волоком на Дон». Но такое же значение город мог иметь и при наличии удобной и известной степной дороги в Азак/Тану. Она известна и неоднократно описывалась. И удобно ли исследователю географии Золотой Орды И.В.Волкову говорить, что Царевское городище находится рядом с волоком на Дон? что для переправы в эту реку надо сперва миновать Переволоку, спуститься по Ахтубе на 80 км в «Сарай» / Царевское городище, и только потом, вернувшись, добираться до Дона? Боюсь, что русские и прочие путешественники, взявшие в проводники г-на Волкова, испытали бы много неудобств и недоумения от такого маршрута! В том числе и епископ Дионисий, чей маршрут описан в летописях и нет никаких данных для реконструкции его пути, предложенной И.В.Волковым» (Гончаров Е.Ю., 2003, с.323).

Этот самодовольный пассаж – очень яркое свидетельство знаний г-на Гончарова в области исторической географии и русского языка. Увы, один абзац требует значительно более пространственных комментариев. Начнем с русского языка. Словосочетания “к Сараяу” и “в Сарай” имеют разный смысл. Из этого следует, что летописная статья вовсе не предполагает обязательного посещения города Сарая Дионисием, как того хочется г-ну Гончарову.

На красноречивый вопрос – “И удобно ли исследователю географии Золотой Орды И.В.Волкову говорить, что Царевское городище находится рядом с волоком на Дон?” – могу ответить только утвердительно: “Да, удобно”, хотя мои личные удобства имеют мало отношения к научным спорам.

Еще более показателен следующий вопрос: “что для переправы в эту реку надо сперва миновать Переволоку, спуститься по Ахтубе на 80 км в «Сарай» Царевское городище, и только потом, вернувшись, добираться до Дона?”. Из этого однозначно следует вывод: Е.Ю.Гончаров относится к когорте особо одаренных по части исторической географии региона граждан, которые уверены, что единственная волго-донская переволока находилась у Водянского городища. Так вот, простенькой справочной литературы типа “Словаря” А.Н.Минха вполне достаточно, чтобы узнать, что Дубовский волок был не единственным и даже не главным, а все сведения о его функционировании относятся к финальному периоду русского освоения этой территории.

“Боюсь, что русские и прочие путешественники, взявшие в проводники г-на Волкова, испытали бы много неудобств и недоумения от такого маршрута!”. Знал бы бедный В.Л.Егоров (должно быть, недостаточно сведущий “в области истории и специальных исторических дисциплин”) (Гончаров Е.Ю., 2003, с.318), что его так заклеят очень известный автор многочисленных тезисов нумизматических конференций. Дело в том, что В.Л.Егоров тоже полагал, что путешествия клириков в Константинополь, начинавшиеся на Волге, проходили через переволоку, правда, ссылку сделал на донское путешествие Пимена (не 1385, а 1389 г), когда Водянское городище (как и Сарай), в принципе, не вписывалось в маршрут (Егоров В.Л., 1985, с.110, прим.217).

“Удобная и известная”, “неоднократно описанная” дорога в лучших традициях упомянута г-м Гончаровым без ссылки, вероятно, потому, что он ориентировался на мой же текст. После г-на Гончарова остается только догадываться, что это сухопутная дорога Хаджитархан – Азак, которую я и упомянул. В этом случае куда более вероятным было помещение в летописи другого ориентира – Астрахани, а не Сарая, в который при таком марш-

руте также не требовалось заходить. При настоящем знакомстве с источниками г-н Гончаров очень быстро убедился бы, что все они пересчитываются по пальцам и не отличаются особенной подробностью. Важнее другое: нет ни одного близкого по времени источника, где бы описывалось движение из России в Константинополь через Астрахань или обратно. Просто ни одного.

Переволока

Мнение о единственной переволоке, находящейся у Дубовки, имеет длительную историю. Начиналось все с “любительского” сопоставления Водянского городища с Бельджаменом (Чекалин Ф.Ф., 1888, с.391-395; Толмачов Н.А., 1889, с.91-95). На Археологическом съезде 1884 г в Одессе Н.А.Толмачов приступал очень осторожно, извиняясь: “Доводя вышеизложенное до сведения Собрания, я прошу снисхождения к неточностям, которые могут быть найдены в моем рассказе; желал бы, чтобы эти неточности объясняемы были моим незнанием с восточными языками и нумизматикой и малым знакомством с наукой о древностях, особенно восточной половины России” (Толмачов Н.А., 1889, с.94). При этом последовал не вывод, а вопрос: “Предлагаю на обсуждение господ ориенталистов, присутствующих на съезде, вопрос: может или не может Водянское городище быть принято за след упоминаемого Абульфедою поселения Бельджамен?” (Толмачов Н.А., 1889, с.95).

Авторитет съезда был настолько велик, что Ф.Ф.Чекалин сделал однозначное сопоставление, причем вся его аргументация укладывается в следующей фразе: “Судя по значительной величине, укреплениям и благоустройству, а также по обилию и даже некоторой роскоши сделанных находок в обследованном нашей архивной комиссией городище, следует заключить, что оно принадлежит из двух одинаково соответствующих ему по относительному положению на карте 1367 г городов гораздо более известному и торговому (с базаром) городу Берсиману или Бельджамену Абульфеды, а не Джагуракаму, как думал проф. Брун” (Чекалин Ф.Ф., 1888, с.393-394). Надеюсь, слабость аргументов очевидна, поскольку сравнение с другими памятниками не проводилось, да и не могло быть корректным из-за разной степени исследованности, а обилие находок на городище не дает сведений о его прежнем названии.

Затем это мнение усиливалось с привлечением источников, не позволяющих делать точные локализации (Чекалин Ф.Ф., 1889б, с.19; 1889а, с.202; Зайковский Б.В., 1908, с.33-34; Егоров В.Л., 1985, с.110).

Например, очень устойчиво стремление связать именно с Водянским городищем поселок, упомянутый Рубруком, хотя данные источника не дают оснований для этого (подробнее: Недашковский Л.Ф., 2000, с.12-13; Волков И.В., 2003б, с.126-127). В.Л.Егоров в связи с Водянским городищем посчитал, что “в XVI в. это место также называлось переволокой” (Егоров В.Л., 1985, с.110), хотя в действительности у Антония Дженкинсона, на которого он ссылается, прямого указания на это нет. Все основания для локализации – это отмеченные даты прохода других пунктов при спуске по Волге: 16.06 – Тетюши, 22.06 – устье Самары, 28.06 – разрушенный замок (Укек-Саратов), 6.07 – Переволока, 14.07 – Шареный Бугор и Астрахань (Английские..., 1938, с.170-171). Если исходить из беспристрастного простейшего расчета расстояний в днях: Самара – Саратов – Переволока – Астрахань как 6-9-8, то Переволока, скорее, находилась в пределах современного Волгограда. На карте же этого путешественника (рис.3) подпись Переволока (Perevolock) без условного знака расположена с юга на север в месте сближения Дона и Волги, причем начинается существенно южнее его, а заканчивается приблизительно на уровне ответвления Ахтубы (Рыбаков Б.А., 1974, с.24-25, рис.5; Булатов А.М., 2001, л.3). Связь названия с районом Дубовки практически исключена.

Иногда это просто преувеличения, не имеющие принципиального значения. Например, у В.Л.Егорова значит, что “совершавшие в прошлом веке путешествие по Волге братья Г. и Н.Чернецовы именно в Дубовке видели, как корабли переволакивали из Волги в Дон, и даже зарисовали этот процесс” (Егоров В.Л., 1985, с.110). Однако как раз на той самой странице братья Чернецовы пишут о том, что они этого не видели по причине межсезонья: “Это любопытное сообщение Волги с Доном замечательно, но по позднему времени года нам не случилось видеть сухопутного хода судов степями” (Чернецовы Г. и Н., 1970, с.132-133). Следовательно, представленный рисунок – плод воображения художников.

Продуктивно использовать и сведения русских краеведов прошлого века. Стандартным справочником в данном случае является “Словарь” А.Н.Минха, где Переволоке и возможным вариантам переправы из Дона в Волгу посвящено несколько отдельных статей (Минх А.Н., 1900, с.459-462; 1901, с.759-761, 922-923; 1902, с.123, 1264). В этом дотошном и почти исчерпывающем справочнике в статье “Переволока” дана характеристика трех волоков, начинающихся на Волге соответственно у Камышина, Дубовки и Царицына (Минх А.Н., 1901, с.759-761), но ни слова не говорится о существовании переволоки, ведущей от Мечетки к

Паньшинке. Более того, насколько мне известно, не сохранилось ни одного источника, который бы на это указывал.

Но вернемся к Переволоке. Данные золотоордынского времени о ней немногочисленны. О том, что какая-то из возможных переволок функционировала уже в XIII в., свидетельствует сообщение Марко Поло о плавании итальянцев по Каспийскому морю: “Генуэзские купцы стали плавать туда недавно; перевезли сюда свои суда”, что было записано в 1298-1299 гг (Плано Карпини Д., 1997, с.205).

На картах Переволока того времени не обозначалась, хотя сближение Волги и Дона присутствовало. Единственной подсказкой является грубая картографическая ошибка. На морской карте каталонского стиля братьев Пицигани 1367 г на правом берегу Дона, именно в изгибе, обращенном к Волге, обозначен населенный пункт *bhçiman* (менее вероятно – *bilçiman*) (Димитров Б., 1984, табл.10). Населенный пункт с предельно близким названием упомянут Абу-л-Фидой в “Упорядоченье стран”: “Течет упомянутый Атиль от Биляра к городу на берегу его, называемому Укек, затем минует деревню, называемую Бальджам-н, и течет к югу, затем поворачивает и течет на юго-восток, проходит у города Сарая (к юго-западу от него) (*روكتملا لعللا مجدو*) (*ما اهزواجتو ثم اشكوا اهل لائقه مطش يله تنيدك ما رلاب نه قرشلا ما یرجیر و نطعیر ثم لبونج یرجیر و نمجد لائقه ميرة المبيرغ و المبيونج نه یراصه تنيدم يله رمو و نبونجلا و*) (Aboulféda, 1840, p.64; 74 ар. pag.). Как видим, Бельджамен располагался не на Дону, причем ориентиром является поворот Волги, что плохо увязывается с Водянским городищем.

Далее начинаются сопоставления. Если на карте Бельджамен, упомянутый Абу-л-Фидой на Волге около ее поворота на юго-восток, то мы имеем дело с переносом картографами населенного пункта с одной реки на другую. Столь существенная ошибка изображения может быть связана только с попыткой изобразить на пергамене словесную информацию. Это вполне естественно. Точные съемки с борта корабля получались только для морского побережья. По судоходным рекам населенные пункты отмечались с правильной последовательностью, но с погрешностями в расстояниях. Приходится домысливать, что в данном случае была использована какая-то словесная информация о нахождении Бельджамена у сближения Волги и Дона, а возможно, и о волоке между реками. Дело осталось за малым: определить, где находился Бельджамен. Тогда можно считать, что, по крайней мере, одна карта свидетельствует о нахождении волока в этом месте. Трудность в том, что положение Бельджамена нельзя считать установленным. Получается уж слишком много допущений.

Упоминание переволоки содержится в описании плавания Лучино Тариго, оно относится к 1374 г, когда обстановка в Золотой Орде была далека от ста-

бильности (следовательно, легальные плавания при централизованной власти Токты, Узбека, Джанибека и Токтамыша могли быть более успешными).

Lucchinus Tarigus, Januensis, cum certis aliis, omnes inopes, recesserunt de Caffa cum una fusta armata et intraverunt in flumen Tanai, super quo iverunt usque in eum locum ubi dictum flumen est vicinum flumini Edil per milliara 60, et ubi de flumen ad flumen per terram portaverunt dictam fustam et per dictum flumen Edil intraverunt in mare de Bacu, in quo mari multa navigia acceperunt; et cum locupleti facti essent, dimissa fusta, per terram rediebant, secum portantes multa ex eis, quae acceperant; sed per inter capti fuerunt et depredati. Tamen multa jocalia eis restaverunt, cum guibus sospites redierunt (Annali..., 1802, N LXXXIV. P.289; цит. по: Брун Ф.К., 1872, с.17.

Лучино Тариго, генузец, с верными спутниками, все бедняки, отправились из Каффы на одной вооруженной фусте, вошли в реку Танаи (Дон), по которой поднялись до того места, где упомянутая река располагается рядом с рекой Эдиль (Волгой) в 60 милях, и где перетащили упомянутую фусту из реки в реку по суше, и по этой реке вошли в море Баку. В этом море [они] захватили многие суда. Став богатыми, [они] оставили фусту и возвращались по суше, неся с собой многое из того, что награбили, но по пути их догнали и схватили. Однако со многими уловками они остались в живых и возвратились.

Сразу же добавляю: фраза “eum locum ubi dictum flumen est vicinum flumini Edil per milliara 60” допускает и менее вероятный перевод “того места, где упомянутая река располагается поблизости от реки Эдиль на протяжении 60 миль”. Тогда эти 60 миль отмечают участок, где существовали волоки. Величина мили может быть разной, но это не портолановая миля в 1230-1250 м. Например, И.Барбаро определяет расстояние Тана – Паластра (Азов – Белосарайская коса) как 80 миль (Барбаро и Контарини..., 1971, с.141,144). В действительности расстояние составляет около 170 км по прямой. Следовательно, величина одной мили – более 2 км. Тогда получается, что участок возможных волоков между Волгой и Доном составляет более 120 км по руслу обеих рек.

Описание Астраханского похода турок и татар 1569 г, выполненное Семеном Мальцевым, дает основания для локализации переволоки, но они иногда толкуются в краеведческой литературе слишком вольно: волжское устье связывается с р.Царицыной (Материкин А.В., 1999, с.12). Текст источника краток: “А из Озова, деи, Касим-бег и турецкие люди шли вверх подля Дону коим до Царицыны речки, а наряд и запас везли Доном в судех полтора месяца. А пришед к той речке, волокли из Дону на берег наряд, и запас, и суды каторги, в которых было им судех Переволокою идти в судех Волгою к Астрохони, да на берегу под суды и под наряд делали волоки и колеса, потом пошли пол пути к Волге, но у них поломались колеса...” (Садиков П.А., 1947, с.164).

Попытаемся истолковать эти данные, исходя из текста источника. Существовали реки Паншина, Карповка и Царица, впадающие в Дон, и река Царицына, впадающая в Волгу, а между ними нахо-

дилась переволока. Тогда турецко-татарские войска должны были прибыть сначала к одному из донских притоков (вполне понятно, что его С.Мальцев мог просто не упомянуть), затем к переволоке, затем – к Царицыне-речке (волжской). Однако из описания следует, что войска сначала прибыли на “Царицыну речку”, а затем на переволоку. Следовательно, речь идет о донской Царице, а не волжской.

Получается, что правы как раз те “некоторые исследователи”, которых А.В.Материкин забыл упомянуть, и с которыми он спорит, кто отождествляет “Царицыну-речку” с современной донской Царицей, а “переволоку располагают в районе Волго-Донского канала” (Материкин А.В., 1999, с.12). Тогда движение турецко-татарского войска будет вполне соответствовать реальной карте местности. Верховья донской Царицы сближаются с бассейном р.Сарпы, следовательно, использованная в 1569 г переволока заканчивалась на Волге приблизительно в районе современного канала.

Определенную косвенную информацию дает текст описания путешествия Христофора Бэрроу 1579 г, где фигурирует Переволока. “Наши купцы выехали из сказанного Увека 5 октября в 5 часов пополудни и пришли к Переволоке 10-го около 11 или 12 часов ночи. Они не останавливались здесь, но прошли мимо нее. Слово Переволока (Perovolok) на русском языке означает узкую полосу земли или перешеек между двумя водными пространствами, и называется это место так потому, что здесь от реки Волги до реки Дона, или Танаиса, считается тридцать верст, т. е. столько, сколько человек может легко пройти пешком в один день. В 7 верстах ниже, на острове, называемом Царицыным (Tsaritsna), русский царь держит в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги, называемый

татарским словом «караул»» (Бэрроу, 1939, с.265). Дата прибытия с точностью до часа и указание на немедленное продвижение мимо объекта свидетельствуют о том, что речь идет не об обширной зоне сближения Дона и Волги, а о вполне конкретном участке, видимо, соответствующем устью какой-то реки.

Источник позволяет делать привязку перелоки к местности двумя недостаточно точными способами. Определение по времени пути не имеет достаточной точности потому, что скорость движения не обязательно была постоянной, а положение фарватера могло быть иным, чем в настоящее время. Определение по расстояниям между постами также сомнительно, поскольку интервалы даны круглыми числами и, следовательно, имеют значительные погрешности. Тем не менее, представим имеющиеся данные на карте.

Путь от Увека до Перелоки – около 5 суток и 6-7 часов; путь от Перелоки до Астрахани (прибыли 16 октября, 9 часов утра) – около 5 суток и 9-10 часов. Следовательно, отрезки пути от Увека до Перелоки и от Перелоки до Астрахани соотносятся как 126-127 и 129-130 часов. В этом случае Перелока приблизительно попадает в центральную часть современного Волгограда.

Второй способ – это определение расстояния в верстах от Перелоки до Астрахани: Перелока – 7 верст – караул на острове Царицын – 120 верст от Перелоки – Каменный караул – 50 верст – “Ступино-караул” (Stupino Carawool) – 120 верст – “Полый караул” (Polooy) – 50 верст – “Кизеюр-караул” (Keezeyur) – 30 верст – “Ичкебри караул” (Ichkebre) – 30 верст – Астрахань. Таким образом, расстояние от Астрахани до Перелоки должно составлять 407 верст по фарватеру (431,4 км). В этом случае Перелока приходится на северную часть современного Волгограда (можно пользоваться и более короткой дистанцией: расстоянием от Каменного караула (Каменного яра) до Перелоки – 127 верст – 134,6 км).

Вторая привязка дана к острову Царицыну, положение которого не устанавливается однозначно. Тогда придется оперировать 3 пунктами: Перелока – 7 верст (7,4 км) – Царицын остров – 120 верст (127,2 км) – Каменный яр. Забегая вперед, скажу, что Царицын – это или о.Сарпинский, или о.Денежный. Если действительно были использованы русские версты, то в любом случае Водяное городище в схему не вписывается. Наиболее близкое соответствие (с погрешностями до 2 км) – Царицын – о.Денежный, Перелока – Мечетка.

Для локализации реки Перелоки существенны картографические источники, но они особенно сложны для интерпретации и издания. Именно поэтому трактовка картографической информации часто вызывает полнейшее недоумение. У этого

есть и объективные причины. Качественное издание и рукописных, и изданных офортном карт позднего средневековья и нового времени (не говоря уже о портоланах XIII-XV вв.) – дело очень сложное и дорогое. Карты из государственных архивов чаще всего труднодоступны, и даже для специалистов пользование ими нельзя назвать удобным. Абсолютное большинство старых изданий карт настолько редки, что их можно приравнять к архивным материалам, а если эти книги все же имеются в библиотеках, то большинство экземпляров дефектны: карты чаще всего вырваны полностью или частично.

Идеальным при издании было бы получение точной цветной копии в масштабе 1:1. Примеры таких изданий можно пересчитать по пальцам, и они очень дороги. Например, издание атласа Баттисты Аньезе, хранящегося в РНБ, действительно сделано точно, с сохранением клякс, старых эрмитажных учетных этикеток, пометок карандашом; скопирован даже переплет и врезанный в него действующий компас. Однако стоимость книги – 3000 долларов, и на текущий момент в стране есть только один ее экземпляр, хранящийся в той же библиотеке. Поэтому с полной уверенностью можно оценивать ситуацию как отсутствие этого издания. Почти то же самое можно сказать о замечательном издании календаря с 12 картами из частной коллекции Алексея Михайловича Булатова.

Более доступными оказываются те издания, где карты воспроизведены с большим уменьшением (Английские..., 1938; Герберштейн С., 1988, рис.13, 14, 15, 16). Однако размер делает их использование крайне затруднительным. Не на много выигрывает воспроизведение карт Московии в монографии Б.А.Рыбакова (Рыбаков Б.А., 1974), где одновременно присутствуют и фотографии, и прорисовки. Однако прорисовки повторяют не всю номенклатуру, издано лишь 10 карт, причем не все варианты каждой из них (обычно переиздания имеют минимальные отличия).

Существенно и то, что историка общего или историка картографии чаще всего волнуют вопросы, связанные с тем, к какой традиции отнести карту. Увы, “камнем преткновения для исследователей средневековых карт является классификация” (Чекин А.С., 1999, с.10). Однако это, скорее, задачи, характерные для рубежа прошлого и позапрошлого веков. В настоящее время, особенно для Юга России, более актуально определить значение каждого топонима и поставить на современную карту масштаба не мельче, чем 1:200000, определить источники информации каждого картографа, если данные выходят за рамки традиции, а также определить, почему возникли ошибки на картах, если они очевидны.

Все карты врут – это такая же общеизвестная истина, как и “все исторические источники (и историки) субъективны”. В современной картографии допустимая погрешность не так велика – 0,75 мм в пределах масштаба (естественно, это касается только крупномасштабных и секретных топографических карт, где не введены специальные искажения, а в остальных случаях – значительно больше). Также неизбежны искажения, связанные с различными видами проекции, но здесь при наличии градусной сетки легко определять поправки. При всех сложностях наши современники пользуются картами.

Можно пользоваться и позднесредневековыми картами, которые в большинстве случаев мелкомасштабны, не всегда имеют градусную сетку, устойчивые условные обозначения и т.п. Их надо только интерпретировать с учетом тех погрешностей, которые были допустимы 3-4 века назад, а также того, что при изображении Юга России очень часто пользовались только словесной информацией, которую выражали в графике, используя устаревшую основу.

А.В.Материкин (без ссылки) упоминает три карты, которые, по его мнению, свидетельствуют о нахождении переволоки “выше острова Царицын”. Первая из них – это “карта «Московии», составленная побывавшим в России в первой четверти XVI в. немцем С.Герберштейном, где указан «Великий перевоз»” (Материкин А.В., 1999, с.12). Но, во-первых, “Великий перевоз” (всякому носителю русского языка понятно, что перевоз – это переправа через реку, а не волок) – это вовсе не то же самое, что и Переволока (если только не иметь очень буйную фантазию), во-вторых, Сигизмунд Герберштейн был вовсе не немцем, а австрийским подданным, в-третьих, он никогда не был на месте Великого Перевоза, а в-четвертых, никакой карты не составлял (это всегда было уделом картографов-специалистов)⁶, в-пятых, на всех картах, составленных с учетом сочинения С.Герберштейна, Великий Перевоз обозначается на Дону настолько близко к устью Северского Донца, насколько это позволяет масштаб. Практика использования картографами новой словесной информации путешественников была постоянной, могли даже привлекать для консультаций самих этих путешественников. Никаких сведений об участии С.Герберштейна в непосредственном составлении карт не сохранилось, хотя изображений территории России, выполненных на основе его текста довольно много. В последнем издании приведены сильно уменьшенные фотографии гравюры А.Хришгофеля 1546 г (с датой в картуше 1549 г – MDXLIX, по воспроизведению

1814 г) (Герберштейн С., 1988, с.135, рис.13); иллюстрация из базельского издания 1556 г с датой 1549 г, авторы Найперг и Гутенханг (Герберштейн С., 1988, с.139, рис.14); весьма известная карта Джакомо Гастальдо из венецианского издания 1550 г (Герберштейн С., 1988, с.143, рис.15); карта из венского издания 1557 г Микаэля Циммермана (Герберштейн С., 1988, с.146, рис.16). Существуют и менее известные рукописные карты, например, хранящаяся в Государственном историческом музее. В данном же случае очень легко понять, какое место из сочинения С.Герберштейна послужило основанием для помещения топонима на карты. Именно в этом фрагменте австрийский посол пытался определить местоположение так называемых “жертвенников Александра”, обозначившихся на правом берегу Дона на картах Клавдия Птолемея и прочих, составленных с использованием античной географической традиции. Естественно, никакие информаторы не могли сказать ничего определенного, но сообщали дополнительно: “Однако они не отрицали, что видели близ устьев Малого Танаиса (minor Tanais, clain Tanais) в четырех днях пути от Азова возле места Великий Перевоз (Velikiprewos), у С(вятых) гор (S. Montes, heilige Berge), какие-то мраморные и каменные статуи и изваяния” (Герберштейн С., 1988, с.137-138). Надеюсь, источник достаточно красноречив, чтобы каждому читателю было понятно, что рассматриваемый топоним вообще не имеет отношения к притокам Волги, а скорее, это район Цимлянских городищ.

В европейской картографии было принято изображать эту часть Восточной Европы в птолемеевой традиции с использованием материалов средневековых круглых карт мира (мапп мунди). Естественно, переволока на них не обозначалась. Не попала река Переволока и на самые ранние карты Паоло Джовио и Баттисты Аньезе 1525 г (Старков В.Ф., 1994, с.10-11; Рыбаков Б.А., 1974, рис.14; Фоменко И.К., 2007, с.188, рис.9), составленные с использованием словесной информации русского посланника в Рим Дмитрия Герасимова.

Существуют также карты, на которых название Переволока без обозначения реки располагается на всем участке сближения Волги и Дона (слово вытянуто с юга на север, причем расстояние от первой буквы до последней составляет не менее 120 км). К их числу относится упомянутая карта Антония Дженкинсона (по его же словесной информации, 1562 г); Антония Вида 1542 г (рис.4), составленная по словесной информации И.В.Ляцкого, 1542-1555 гг (Bagtow L., 1962, fig.6; Рыбаков Б.А., 1974, рис.2); Гесселя Геритса (рис.5), по разнообразной

⁶ Подробнее о работе картографов с материалами С.Герберштейна: Bagtow L., 1962, p.46-47; Рыбаков Б.А., 1974, с.70-83.

словесной и графической информации, 1613 и 1614 гг (Рыбаков Б.А., 1974, рис.5, 2, 12; Булатов А.М., 2001, л.5). Эти карты не дают достаточной информации для точной локализации ни реки, ни территории. Поэтому слишком странно выглядит фраза А.В.Материкина о расположении “переволоки” “в указанном месте” (Материкин А.В., 1999, с.12), когда он пытался найти на первых двух картах (без ссылки) подтверждение своему предположению о расположении “переволоки” на месте р.Мечетки или современной Пионерки (Царицынки). Это не значит, что мнение не имеет права на существование, просто использованные источники на это не указывают. Более поздние сведения о Переволоке так или иначе связаны с Царицыным.

Царицын – город на Переволоке

Существенно рассмотреть вопрос о первоначальном положении Царицына, поскольку это важно для установления главной переволоки на рубеже XVI-XVII вв. 2 июля 1589 г была составлена грамота царя Федора Ивановича, предписывающая начать строительство острога на Переволоке, а летом этого года укрепления были возведены (Оболонина Г.В., Тюменцев И.О., 1994, 60-63; Тюменцев И.О., 2000, с.134-136; Материкин А.В., 1999, с.7-15).

Значительно большие трудности вызывает определение места, где первоначально был построен острог. Трудности даже не столько связаны с недостатком сохранившихся сведений, сколько с неточностями в отечественной краеведческой традиции. Впрочем, если оценивать точность привязки не слишком пристрастно (до пятна покрытия на карте масштаба 1:200000), то любое решение будет не в пользу Дубовки.

Источники однозначно свидетельствуют о том, что острог был построен именно на Переволоке. Из этого следует, что главный волок на момент основания города находился именно там. А.В.Материкин попытался выяснить, где именно находилась эта конкретная “переволока” в середине XVI в., однако попытку нельзя назвать удачной (Материкин А.В., 1999, с.9-10). Во-первых, нет никакого смысла хронологически ограничиваться только серединой XVI в., когда Царицына еще не было. Во-вторых, большая часть из серии приведенных для этого интересных и важных источников вообще не дает информации для определения местоположения будущего острога. Часть источников, напротив, очень важна, но истолкована с искажением смысла.

Естественно, одним из основных источников для решения задачи является “Книга Большому Чертежу”. Источник сложный. Это словесное описание двух разновременных карт. Основными источниками “Книги” были “Старый чертеж” и “Чертеж полю” (Книга..., 1950, с.4, 49). Информация для составления первого формировалась в течение всего XVI в., второго – в 70 гг XVI в. (Книга..., 1950, с.5).

В краеведческой литературе кочует мнение о ее составлении в конце XVI в. (Материкин А.В., 1999, с.12; Томарев В.И., 1989, с.15, 17). И.О.Тюменцев даже указал, что она “была сделана для царевича Федора Борисовича Годунова” (Тюменцев И.О., 2000, с.134), и без ссылки упомянул некие несуществующие самые ранние списки, написанные для царевича (Тюменцев И.О., 2000, с.136-137), хотя уже первые строки этого источника однозначно и подробно повествуют о его составлении при Михаиле Федоровиче в 1627 году (Книга..., 1950, с.49, ср. с.3).

Нужный участок покрыт “Старым чертежом”. Основной прием организации информации – это описание бассейнов крупных рек, начиная от истока; но составители старались сократить дублирование информации, если объекты бассейнов соседних рек располагались близко. Верховья притоков в районе сближения Дона и Волги подробнее описал автор донской части. Рассмотрим эти два фрагмента текста.

“Дон”. Основная редакция с вставками из сп. № 1330 (выделено жирным шрифтом).

“А ниже Медведицы 90 верст, с Нагаиской стороны, пала в Дон речка Иловка, а вытекла речка Иловка за 100 верст, от реки от Волги, от верху реки Кармышенки, протоку Иловки 100 верст; а речка Кармышенка пала в Волгу, ниже речки Иловки 50 верст.

А ниже Иловки 30 верст пала в Дон река Кешеня⁷, протоку тех рек Иловлы и Кешени 100 верст; а река Кешеня вытекла от Волги, от верху речки Балыклеи, а Балыклея пала в Волгу, протоку 60 верст.

А ниже реки Кешени пала в Дон река Паншина, течет от той же реки Балыклеи, протоку 70 верст.

А от усть реки Паншины, блиско от Дону, вытекла река Царица, и потекла к реке к Волге, пала в Волгу против Царицына острова; а на острове стоял Царицын город. А ныне с того места перенесен, стоит с Крымской стороны Волги. Протоку Царицы реки от Дону 90 верст.

А ниже реки Паншиной, с правой Крымской стороны Дону, 50 верст, пали в Дон 2 речки, обе Голубые, протоку тех речек 50 верст.

⁷ Гидроним не идентифицировать сложно. Единственная значимая река между Иловлей и Панышиной – Тишанка, но расстояние до нее от современного устья Иловли – до 10 верст.

А ниже Голубых, 20 верст, с Нагайской стороны, пала в Дон речка Карпова, протоку 50 верст, течет от реки от Царицы.

А ниже Карповой, с Нагайской стороны, пала в Дон речка Царица, протоку 40 верст; от Карповой до Царицы 30 верст.

А ниже Царицы, 20 верст, пала в Дон речка Камышенка” (Книга..., 1950, с.85).

Как видим, прямого указания на волоки нет, но отмечены места сближения истоков рек двух бассейнов, хотя они и не всегда соответствуют действительности, если только не изменилась гидронимика. Из этого следует, что были возможными не менее пяти волоков (Дубовский в это число не входит): Иловля – Камышенка, Кешеня – Балыклея, Паншина – Балыклея, Паншина – Царица, Карповка – Царица, донская Царица – Царица.

Роспись Волге (“О Волге”).

“А ниже Иловки 50 верст пала в Волгу река Камышенка. [...]

А ниже Камышенки 40 верст пала речка Балыклея.

А ниже Балыклеи реки на Волге Стрельные горы. [...]

А ниже Балыклеи 80 верст на Волге остров Царицын; а против острова пала в Волгу река Царица, вытекла от реки от Дону, протоку 90 верст; а на том острове стоял город Царицын, и Царицын город с того места перенесен и поставлен на нагорной стороне.

А на луговой стороне, ниже Царицына города (острова) из Волги потекла река Ахтуба; (Зри о Золотой Орде), а по реке по Ахтубе на 90 верст от Царицына, Золотая Орда, стоят мечети татарские каменные многие” (Книга..., 1950, с.143).

Некоторое дополнение есть в Черкасской редакции “Книги”: “Река Царица вытекла от реки от Дону”, от донских казаков воры ходят з Дону тою рекою к Царицыну; от Дону ходу 90 верст до Царицына на острове город Царицын” (Книга..., 1950, с.182).

Как видим, при росписи Волги оговорено только одно место сближения с Доном, причем прямо оговорена возможность волока. Показательно, что здесь вовсе не фигурирует река Сарпа. Следовательно, вполне возможно, что информация о Сарпе и Царице объединена картографами XVI в. и обращена в текст в XVII в. Обращаю внимание: верховья рек Карповки и донской Царицы сближаются с бассейном Сарпы, а составитель донской части росписи связал их с Царицей. Наиболее существенно то, что устье Царицы и Царицын остров расположены несколько выше ответвления Ахтубы. Это исключает локализацию города на Сарпинском острове.

К XVII в. относится значительно большее число источников о расположении переволоки, и

они более конкретны. Вероятно, первым картографом, обозначившим Переволоку, был Исаак Маса, изображавший эту часть России, скорее всего, по словесной информации, нанося ее на какую-то топографическую основу русского происхождения (рис.6). Уже на его карте, несколько раз переизданной, совершенно прямая протока соединяет Дон и Волгу чуть более, чем в 20 верстах к югу от Царицына. Название “протоки” – Ров Камуз (Fova Kamouz), его донское устье располагается чуть севернее Паншина городка. Есть на левом берегу Дона и название Переволока (Perevolok), оно располагается южнее условного знака Паншина городка, напротив его названия “Pansien”. Вероятнее всего, здесь имеет место смешение словесной информации о “Турецком рве”, оставшемся после похода турок и татар в 1569 году, и иных реальных волоках. Ров Камуз имеет донское устье, соответствующее р.Паншинке (в действительности текущей от верховий Мечеток), волжское устье, соответствующее р.Сарпе, а надпись Переволока на Дону расположена приблизительно на месте р.Карповки, опять же ведущей к Сарпе.

В связи с этой картой очень странно выглядит фраза И.О.Тюменцева: “...обращаясь к картам Г.Герарда и И.Массы, необходимо помнить, что ни один из них никогда не был в Нижнем Поволжье. Они черпали информацию из вторых рук. Анализируемые карты были опубликованы в сер.XVII в., когда в Нижнем Поволжье побывали многие европейские дипломаты, путешественники и купцы, в том числе знаменитый А.Олеарий. Они видели вновь отстроенный в 1614 г Царицын на правом берегу Волги, и их рассказы явно оказали влияние на работу картографов” (Тюменцев О.И., 2000, с.137).

Сам Адам Олеарий, проплывавший по Волге недалеко от реки, связанной с Доном, отметил, что ее обычно нет на ландкартах, за исключением упомянутого произведения И.Массы (Олеарий А., 1906, с.392), то есть наоборот – карта И.Массы могла оказать влияние на произведение А.Олеария, а не иначе. Секретарь голштинского посольства пошел дальше, он делал описания Волги и измерял широты наиболее важных пунктов. После его возвращения была составлена новая карта реки Волги, отличающаяся большей точностью, чем предшествующие европейские изделия. В составлении этой карты А.Олеарий как-то участвовал сам, но едва ли это участие выходило за рамки обычных словесных советов. Кроме него, по словам самого секретаря голштинского посольства, участником составления был шкипер Корнелий Клаус (или Клаусен) Клотинг (Олеарий А., 1906, с.III, 360), а гравировал медную доску Христиан Роттиссер из города Гузума (Олеарий А., 1906, карта вкл. с.393-

394). Основным источником для составления карты была словесная информация А.Олеария, зафиксированная в его "Описании". Об этом говорит совпадение номенклатуры топонимов и гидронимов, т.е. на карту нанесено то, о чем идет речь в тексте. Эта словесная информация вполне конкретна, причем двусмысленность толкования текста исключается, поскольку ориентиром является уже существовавший в то время город Царицын. "Сейчас же ниже Царицына лежит, с правой стороны, остров Сарпинский, длиною в 12 верст. На нем стрельцы пасут своих коров и иной скот. Незадолго до нашего прибытия казаки, заметив, что жены и дочери стрельцов ежедневно, часто без стражи, переправлялись на остров доить коров, подстергали их, схватили, натешились над ними и в остальном неврелимыми отправили их обратно к стрельцам домой" (Олеарий А., 1906, с.392).

Совершенно очевидно, что голштинское посольство обогнуло Сарпинский остров по восточному рукаву, приблизительно соответствующему современной Воложке-Куропатке. При таких обстоятельствах трудно предполагать, что устье Сарпы было видно с борта или даже с мачты. Следовательно, сам А.Олеарий не видел устья реки и довольствовался словесной информацией спутников и картой И.Массы.

Изображенная на карте "речка из реки Танаис или Дон" (рис.7) расположена опять же ниже того места, где обозначен Царицын, строго напротив середины Сарпинского острова, что соответствует тексту описания. "За этим островом из реки Дона впадает в Волгу небольшая речка, по которой могут ходить только челноки и самые легкие лодки, об этом рассказывал не только наш лоцман, но говорили и некоторые из наших рабочих, раньше бегавшие с казаками и плившие по этой речке. На обычных ландкартах эта речка никем не обозначена, за исключением лишь Исаака Массы; она именуется у него Камоус" (Олеарий А., 1906, с.392). Как видим, на этот момент главное волжское устье Переволоки однозначно соответствует Сарпе.

Обратите внимание на карту А.Олеария, самое раннее сохранившееся графическое изображение региона, сделанное по описанию очевидца, и сравните ее с данными "Книги Большому Чертежу". Обозначена река Мечетная (*Metschetna flu.*), хотя нигде не оговорена возможность плавания по ней к Дону. Напротив устья обозначен остров Денежный (*I. Denescheri*). При этом в районе Царицына (*Zariza*) обозначены только 2 острова, второй – Сарпинский (*I. Serpinski*). Чуть выше Денежного острова на противоположном берегу обозначено ответвление Ахтубы (*Achtopska flu.*). Это же совершенно соответствует описанию "Книги": если Мечетная – Царица, Денежный – Царицын. Тогда на

расстоянии прямой видимости находятся и руины Царева города (*Ruinae Urbis Zarefgorod*). Это и есть наиболее подходящее место для формулировки "на низ к Сараю" и для пути волоком на Дон (главной переволоки времени основания Царицына). Вероятно, перенос Царицына на правый берег Волги привел к тому, что поменялось прежнее название реки Царицы и Царицына острова.

Значительно более интересную информацию несет русская маршрутная карта (рис.8), составленная около 1685 г. (*Bagrow L. A., 1952, fig.*). На ней обозначены только два места, где сближаются истоки рек бассейнов Волги и Дона. Ближе всего истоки Сарпы и Карповки. Существенно дальше друг от друга истоки Царицынки и Паншинки. Город Царицын обозначен при устье р.Царицынки, на правом берегу. Обозначены и две реки Мечетные, верхняя из которых расположена почти напротив ответвления Ахтубы (чуть ниже). Обе эти реки короткие и не имеют пар в бассейне Дона. Место Дубовки – совершенно пустое. Следующая после Мечетной река выше по течению – короткая Песковатка (что не так уж далеко от Дубовки), но расстояние от нее до Иловли еще больше. Из всего этого следует, что в кон.XVII в. основная переволока соответствовала Сарпе и Карповке, то есть действительно самому короткому пути между реками, соответствующему современному Волго-Донскому каналу им. Ленина.

Примечательно, что уже в нач.XVII в. было известно и название Сарпа (Тюменцев И.О., 2000, с.141, прим.108). Обнаруженный И.О.Тюменцевым документ, хотя и очень косвенно, свидетельствует в пользу расположения первоначального острога напротив устья Сарпы, т.к. правительственное войско могло отдать предпочтение для устройства лагеря месту развалин острога.

Локализация Переволоки на месте Сарпы открывает возможности более целенаправленного археологического поиска первоначального Царицына. Наиболее вероятное местоположение острога – участок пос.Павловский – пос.Крестовый. Однако Сарпа могла прорывать устье и южнее, вплоть до современного устья канала, поэтому необходимо тщательно обследовать побережье вплоть до турбазы Сарептский Перекат. Остается также, хотя и меньшая, вероятность расположения острога на остальной части побережья современного Сарпинского острова. Особенно внимательно необходимо отнестись к мнению А.Г.Ильина о его локализации около Бобылей, поскольку основной судоходной в то время была протока к востоку от острова (Воложка-Куропатка).

Конечно же, острог, просуществовавший, вероятно, только 20 лет в 1589-1608 гг, едва ли оставил очень яркие следы. Профессиональному ар-

хеологу воображение не может нарисовать таких радужных находок, как “церковные колокола” и т.п. (Материкин А.В., 1999, с.16-17). Реально можно рассчитывать только на небольшое количество керамики, несколько мусорных ям, если повезет, – пустых погребов, а главное – на невыразительные ряды пятен столбовых ямок частокола в случае раскопок или шурфовки. Однако даже обычная разведка со сбором подъемного материала и наблюдениями за естественными разрезами, промоинами и современными ямами может существенно сузить район поисков.

Есть резон рассмотреть и вариант локализации, основывающийся на данных “Книги Большому Чертежу” и карты А.Олеария. При росписи реки Волги указано: “А ниже Балыклеи 80 верст на Волге остров Царицын; а против острова пала в Волгу река Царица, вытекла от реки от Дону, протоку 90 верст; а на острове город Царицын. А на луговой стороне, ниже Царицына города, из Волги потекла река Ахтуба...” (Книга..., 1950, с.143). Из этого следует, что город находился у ответвления Ахтубы, а остров – в 80 верстах от устья р.Балыклеи. Этим двум характеристикам точно соответствует только один остров – современный Денежный, само название которого позволяет предполагать здесь наличие остатков первоначального острога. Он и напротив ответвления Ахтубы, и как раз в 80 верстах от Балыклеи.

Это полностью нарушает авторитетное в краеведческой литературе мнение о соответствии Царицына острова Сарпинскому (Минх А.Н., 1901, с.922-923; 1902, с.1123, 1164). Но и эта версия возникла только потому, что напротив устья Царицы нет острова, и первоначально она выглядела сомнительной (Минх А.Н., 1902, с.1123). Напротив Денежного острова сейчас вообще нет устья никакой реки (Мечетка впадает несколько выше), но прорабатывать эту версию локализации первого острога и вести здесь целенаправленные поиски все же стоит.

В любом случае оказывается, что главная переволока рубежа XVI-XVII вв. располагалась в пределах современного Волгограда. Но и она была не единственной. В кон.XVII в. была даже предпринята попытка строительства канала по Иловле и Камышенке (рис.9), увы, неудачная. Место соответствует современному Петрову Валу, а в “Атласе Дона” адмирала К.Крюйса канал даже изображался как действующий (Bagow L., 1953, p.98).

Приблизительно к тому же времени относятся карты Г.Сансона и Г.Делля (Рыбаков Б.А., 1974, с.87-108, рис.19), И.Б.Хоманна около 1720 г (рис.10) с почти идентичным изображением региона. Б.А.Рыбаков, основываясь на схеме политического деления, убедительно показал, что их прототипом была карта княжеств 1526 г, а

одним из авторов, предположительно, был князь И.М.Воротынский (Рыбаков Б.А., 1974, с.103). Естественно, информация имеет много хронологических напластований. Кроме прототипа, Г.Делль использовал четыре безымянные карты Татарии (Рыбаков Б.А., 1974, с.89). Получила на них отражение и современная моменту компиляции информация. В частности, показан проектировавшийся канал по Иловле-Камышенке (Canalis). Сарпа просто соединяется с Доном, и название ее – Царицын (Czaritzim), в Волгу она впадает ниже Царицына. Между каналом и Сарпой обозначены еще 2 безымянные речки с истоками, расположенными близко. Устье притока Волги – напротив ответвления Ахтубы. Надо полагать, к ним и относится подпись Переволока (Perevolok). Как видим, для Дубовского волока опять не остается места. Он стал функционировать позже.

Кстати, “Карта Татарии” самого Г.Делля 1707 г (рис.10) явно связана с каким-то из упомянутых неизвестных прототипов. Здесь руины в верховьях Ахтубы еще не получили связи с наименованием Царевгород из произведения А.Олеария и прямо называются Сараём.

Очень показательно описание региона, сделанное П.С.Палласом в 1773 г. Прямых указаний на волоки здесь нет, но возможность или невозможность таковых подразумевается. Расположенные поблизости истоки рек бассейнов Волги и Дона отмечаются в связи с верхним течением Царицы (Волжской): “Почти в 20 верстах от Волги видны различные столь же глубокие долины, изливающие свои воды в главную речку: и между сею речкою и так называемым Черным Буераком, соединяющимся с другою в Дон впадающею, и местами нарочито глубокою речкою Карповкою, калмыкам под именем Киргому известною, лежит нарочито возвышенная на 16 верст простирающаяся сухая земля, которую как от Царицынки, так наипаче от упомянутого буерака разные впадины и обросшие глубокие долины довольно прямо одна к другой простираются, не более как до 8 верст одна от другой отстоят. От сей страны Карповка на течении своем к Дону, более нежели на 30 верст простирающемся, повсюду изобильна водою, и на многих местах нарочито глубокие заливы составляет. Но очевидно, что она лежит многими саженьми выше Царицынки. Впрочем, южные истоки сея речки приближаются к ключам выбивающим из возвышенные страны и впадающим в Сарпу; так как более к югу в Дон впадающая река Есла выходит недалеко от Сарпы” (Паллас П.С., 1788, с.298-299). Как видим, возможные волоки связываются с Царицынкой и Сарпой.

Характеристика района Дубовки в этом смысле совершенно бесперспективна: “Ручей Добринка

уходит так, как Кулалинка и далее вниз следующие ручьи – Дубовка и Терновка по иным местам в хряще и также при устье своем летом совершенно пересыхает, и исполнен бывает меловыми камышками” (Паллас П.С., 1788, с.256, 270).

Таким образом, данные источников о существовании переволоки в районе Дубовки в золотоордынское время отсутствуют начисто. Допускать возможность существования таковой можно, но чисто умозрительно: при Узбеке и Джанибеке обстановка в регионе была предельно стабильна, приблизительно так же, как в XIX в., поэтому можно рассчитывать на освоение всех возможных путей между Волгой и Доном. Разнородные независимые источники XVI-XVIII вв. позволяют локализовать несколько волоков с Волги на Дон. Основные начались с устьев Сарпы и Царицы (это действительно самые короткие пути), а вот Дубовский волок в это время не известен.

Положение Бельджамена

Вспомним еще раз о положении Бельджамена. Сама формулировка Абу-л-Фиды “затем мигнет деревню, называемую Бальджам-н, и течет к югу, затем поворачивает и течет на юго-восток” предполагает, что этот населенный пункт находится в районе переломки Волги на юго-восток, то есть в районе современного Волгограда, а отнюдь не Дубовки. Здесь же находятся и самые удобные зафиксированные источниками волоки на Дон. Если сопоставить это с ошибкой на карте братьев Пицигани, то наиболее вероятными претендентами на это название будут Мечетное городище или предполагаемые поселения при устьях рек Царицы и Сарпы на месте Сарепты (Ильина А., Шишкин П., 1929, с.21-24).

Обозначения Бельджамена на трех картах, связанных с мастерской Фра Мауро, также не свидетельствуют о положении Бельджамена: это или самая южная часть зоны, где сближаются Дон и Волга (что приблизительно соответствует современному Волго-Донскому каналу), или населенный пункт на острове еще ниже. На расширенном портолане каталонского стиля (Борджиа-V), составленном около 1450-1453 гг (Almagia R., 1944, Tav.XIII), Бельджамен (beljman – ?) обозначен, скорее, на Дону (рис.12), при этом на берегу Волги напротив него есть безымянный городок (или его название не попало на лист). Примечательно, что на противоположном берегу Волги обозначен Сарай (Sarai), а место Большого Сарая просто отрезано.

Практически аналогично (рис.13) изображение Бельджамена (Belci|man) на круглой карте мира Фра Мауро 1459 (1460) г (Gasparri|ni T.L., 1954, Tav.

XXXIV; Волков И.В., 20056, рис.1). Обе эти карты исключают связь названия с Дубовкой.

Еще южнее, на острове Волго-Ахтубинской поймы изображен населенный пункт с похожим названием (belam|jan) в атласе Анджелло Фредуччи 1556 г (Saraci G., 1953, вклейка 2; Волков И.В., 20006, с.329, рис.2). Но интерпретация этого источника сложнее: не факт, что это тот же самый населенный пункт. При составлении этого атласа в Прикаспийской зоне был использован протограф более ранний, чем две предыдущие карты (Saraci G., 1953, p.42), поэтому номенклатура в целом богаче. В частности, здесь дано название населенного пункта напротив Сарая, которого нет на предыдущих картах (Suap или Guan). В самой нижней части течения Волги есть подпись “дворец” (“довлатхана” в форме dolanthana). Только особо сведущие в востоковедении связали это нарицательное имя (персидский был основным иностранным языком в Золотой Орде) с казахским названием одного из холмов под Лапасом на месте разрушенного мавзолея (Гончаров Е.Ю., 2003, с.323; Рудаков В.Г., 2000, с.313). Есть в атласе и явная описка – на правом берегу поставлена подпись “р.Яик”, при наличии аналогичной в установленном месте на Урале. Но главная неоднозначность трактовки связана с тем, что прилегающий участок Дона, где можно было бы ждать обозначения Бельджамена, просто не покрыт листами атласа. Но при любом варианте информации предполагаемого протографа связь населенного пункта с районом Дубовки не представляется вероятной.

Единственное, что может быть использовано как косвенное свидетельство в пользу локализации Бельджамена на Водянском городище, – это сходство нарицательных значений названий Бельджамен и Дубовка (Егоров В.Л., 1985, с.109). Зыбкость такого доказательства должна быть очевидна читателю с любым уровнем подготовки. Г.А.Федоров-Давыдов предлагал более обоснованную этимологию названия – Белед Джамия (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.32).

Рассмотрим еще одно положение г-на Гончарова. “К сожалению, без извинения остался прозрачный намек на В.Л.Егорова и М.Д.Полубояринову (вдову Г.А.Федорова-Давыдова), сделанный г-ном Волковым попутно, в тех же тезисах. В разделе, посвященном Бельджамену, он пишет: «Связывать локализацию города со следами присутствия древнерусского населения на городище-претенденте так же глупо, как и локализовать Сарай и Гюлистан на основании монет». Такую связку произвели именно указанные выше исследователи старшего поколения в вводной части статьи, посвященной Водянскому городищу” (Гончаров Е.Ю., 2003, с.325-326). Обращение г-на Гончарова к светлым образам исследователей старшего поколения с упоминанием мат-

римониальных связей обусловлено исключительно желанием пополнить за их счет ряды таких же обиженных кем-то в глазах читателей, не владеющих информацией. На самом деле именно В.Л.Егоров кричал “браво” после доклада по этим самым тезисам, а М.Д.Полубояринова была единственной из коллег, кто настоятельно рекомендовал ответить на “Опус” г-на Гончарова (остальные советовали игнорировать эту глупость или просто отмалчивались).

Так вот, в 1992 г появилась публикация, автор которой обоснованно показывал, что “большинство известных нам сообщений летописей о Бельджамене можно с уверенностью отнести как к Водянскому городищу, так и к Мечетному городищу (Рогачев О.Г., 1992, с.28) (от себя могу добавить, что к Водянскому городищу с уверенностью нельзя отнести ни одного упоминания Бельджамена). Но в качестве одного из аргументов была опять же находка на Мечетном городище фрагментов русской керамики (Рогачев О.Г., 1992, с.27-28). Необходимы пояснения.

В источниках нет ни одного слова о присутствии русского населения в Бельджамене. Поэтому и аргументация беспредметна. Вместе с тем, так же очевидно, что в каждом городе европейской части Золотой Орды и в самой кочевой Орде русское население присутствовало, везде были и христианские православные церкви. Находки русской керамики (и прочих вещей) устойчиво встречаются даже в Азак и Маджаре, а на Волге это просто неизбежно.

Православная христианская церковь упоминается в Бездеже. Понятно, что величина ее прихода не известна, как и то, что это были именно русские православные. Увы, Бездеж и Бельджамен – это не одно и то же (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.32). Поэтому даже зыбкие основания для традиционной локализации рассыпаются.

Мало того, в европейской картографии XVI-XVII вв. очень распространено обозначение пункта *Vezima* ниже поворота Волги на юго-восток (рис.14-16). Основными поставщиками картографической информации о регионе были итальянцы. На письме очень похоже изображали буквы “x” и “z”. Вероятная транскрипция слова *Bezima* – Бедзима или Беджима. Это действительно близко к Бельджамену. Тогда город надо искать еще ниже по течению, чем расположено Мечетное городище.

Вернемся к реконструкции маршрута Дионисия. Сведения источника очень неполны, но выберем несколько вариантов: 1. До переволоки, которая находилась в пределах современного Волгограда, на Дон, в Азак и далее морем; 2. До Астрахани, далее по суше в Азак и далее морем; 3. Есть предположение о том, что Дионисий вообще обогнул Черное море с юга (Прохоров Г.М., 1978, с.81).

Однако никаких оснований для этого в источнике нет. Ориентироваться можно только на затраченное время и общую обстановку, а этого не достаточно; 4. Можно допустить и более тернистые пути к Черному морю: через Северный Кавказ, Грузию или Персию.

Но из источника однозначно следует, что имело место соревнование Митяя и Дионисия в скорости. Бежал Дионисий тайно, и основными условиями были быстрота и скрытность. Путь по Волге был идеальным: максимальная возможная скорость, а после Нижнего Новгорода он фактически сразу оказывался вне контролируемой великим князем территории. Юрисдикция Мамая, выдавшего ярлык Митяю, также здесь не сказывалась.

Большие сложности начинались потом, при движении в сторону Азовского моря. Неизбежно приходилось двигаться по территории, контролируемой Мамаем. Естественно, и тут требовались скрытность и скорость. Очевидно, что большая скорость – при движении по воде. Само нахождение на борту обеспечивает и большую скрытность. Если бы движение было по первому маршруту, то находиться в видимости ордынцев пришлось бы совсем недолго. Во втором случае остаться незамеченным было бы значительно сложнее.

Очень существенно, что летописное сообщение о том, что пошел “Диониси Вльгою в судех к Сараю”, скорее всего, вставлено в повесть задним числом, уже после возвращения Дионисия (Прохоров Г.М., 1978, с.138, прим.10). Поздняя вставка не является достоверной. На момент бегства о его маршруте просто не было известно, сведения появились после возвращения (или Пимена, или самого Суздальского архиепископа).

А теперь представьте, к какому из двух возможных маршрутов может относиться летописная формулировка. В первом случае епископ мог только видеть окраины Сарая (у ответвления Ахтубы). Во втором случае он тоже мог видеть только окраины Нового Сарая у ответвления Ахтубы (при движении в Астрахань по Ахтубе обычно не плавали), а затем непременно посетить Хаджитархан. При этом увидеть Сарай старый (Селитренное городище) с борта судна, идущего по Волге летом, почти невозможно. Тем не менее, даже после возвращения Дионисия упоминания Астрахани не появилось, а лишь единственный ориентир – “к Сараю”. Если под Сараем подразумевать Селитренное городище, то оно просто не видно с борта из-за деревьев.

Так вот, предпочтение первому варианту маршрута обусловлено лишь тем, что он самый краткий, самый быстрый и наиболее скрытный. Поэтому и предпочтение отдается именно ему. Второй также возможен, как и многие другие, но сведений в источнике для их реконструкции еще меньше.

Положим, самый вероятный путь в Константинополь – через Азов. Тогда первый вариант маршрута составит порядка 1400 + 400 км вниз по течению + 60 км по воде и волоком. Во втором случае вниз по течению пришлось бы двигаться приблизительно столько же, но добавились бы приблизительно 700 км сухого пути по степи, со скоростью на порядок меньшей.

Для сравнения можно использовать и второе упоминание пути в Константинополь по Волге (таких плаваний было всего два). Это хождение Пимена в 1385 г. Формулировка условий почти идентична: “Того же лета месяца маиа въ 9, святого отца Николы, Поуминъ митрополитъ поиде по Волзе на низъ къ Сараю...” (Рогожский..., 2000, с.123). Это одно из немногих путешествий клириков из Москвы в Константинополь после Дионисиева (в остальных случаях маршруты не оговорены). Следовательно, маршрут представлялся удобным. Общая обстановка также похожа: для Пимена это тоже было бег-

ство, тоже без княжеского согласия, не дожидаясь возвращения греческих епископов Матфея и Никандра, прибывших вызвать его для низложения. В этом случае опальному митрополиту действительно пришлось переодеться в мирские одежды и “скитаться” (Прохоров Г.М., 1978, с.177-178). Кончилось дело скандалом в Константинополе. Скрываться по дороге Пимену требовалось еще и потому, что его везде могли встретить кредиторы (предположительно, генуэзцы), поэтому идеальным транспортным средством был венецианский корабль в Тане.

Вот и все комментарии. Оба источника конечно же не полны, не указывают прямо на расположение Нового Сарая, но Селитренное городище (и любое расположенное южнее) они почти однозначно исключают из числа претендентов. Остается Царевское. Главное же, что в литературе виден удивительно устойчивый почерк “новаторов”, которые готовы признавать неверные положения прошлого, но неизменно восстают против правильных.

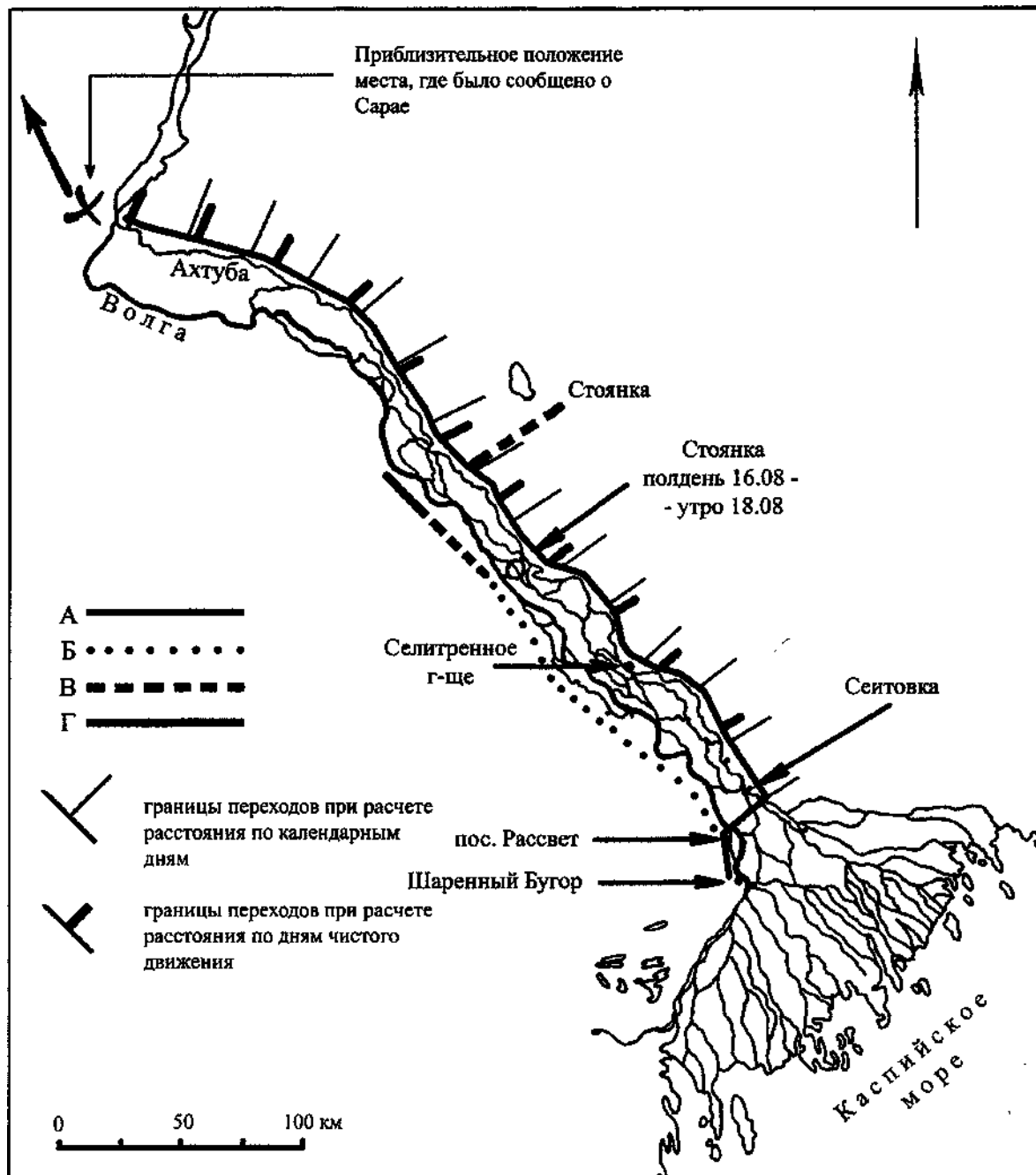

Рис. 1. Схема движения А.Контарини вдоль Волги: А – маршрут основного каравана; Б – маршрут бегства А.Контарини отдельно от основного каравана 10-13.08 при расчете по календарным дням; В – то же, при расчете по дням фактического движения; Г – то же, с допущением, что 15 календарных дней были уже после переправы. Окончания Б и Г отмечают максимальный интервал, где мог находиться остров – пристанище А.Контарини. Наглядно, что посещение Селитренного городища исключено.

Fig. 1. The scheme of Contarini's route along the Volga: А – a route of the main caravan; Б – a route of Contarini's escape separately from the main caravan on August, 10-13 if calculated by calendar days; В – the same, if calculated by days of actual movement; Г – the same, with the assumption that 15 calendar days were after crossing the river. The Б and Г ends mark the maximum interval where an island could be, i.e. Contarini's shelter located. It is evident that visiting Selitrennoie hillfort was impossible

..... - А

Рис. 2. Разбивка всего маршрута до Москвы из расчета на 41 день пути: А – вариант искривления пути каравана для обхода рек; 1 – Шареный Бугор; 2 – Селитренное городище; 3 – центральная часть Царевского городища.

Fig. 2. Laying out an entire route to Moscow for 41 day-long journey: А – the variant of bending a caravan way to bypass the rivers; 1 – Sharenyi Bugor; 2 – Selitrennoie hillfort; 3 – the central part of Tsarev hillfort

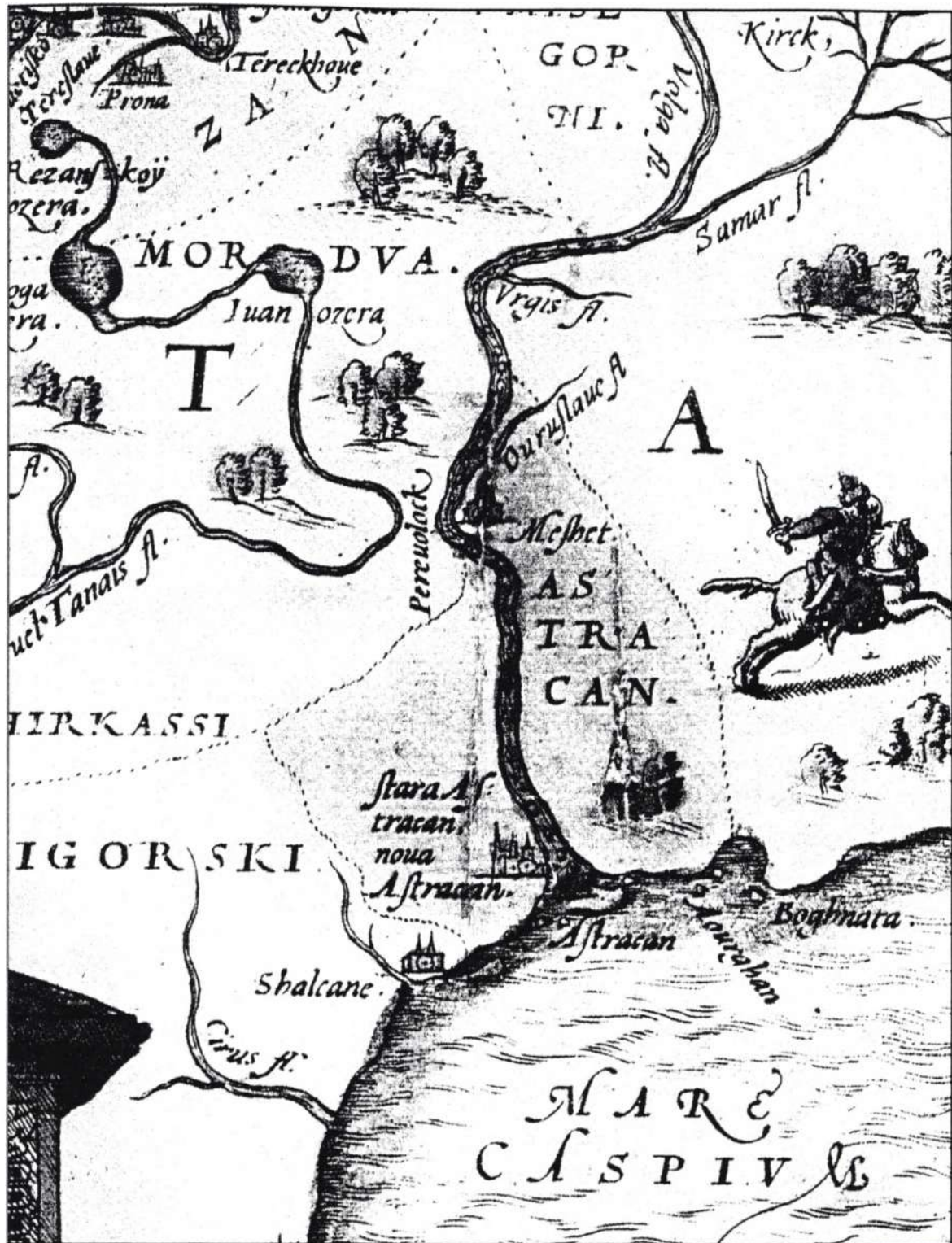

Рис. 3. Фрагмент карты Московии А. Дженкинсона из Атласа Абрахама Ортелиуса, Антверпен, 1570-1612 гг. (Булатов А.М., 2001, л.3; Рыбаков Б.А., 1974, с.21-55, рис.5). Составлена в 1562 г, основа – «Чертеж Московских земель» 1497 г.

Fig. 3. A fragment of Antony Jenkinson's Map of Moscovia from Atlas of Abraham Ortelius, Antwerp, 1570-1612 (Булатов А.М., 2001, л.3; Рыбаков Б.А., 1974, с.21-55, Рис.5). The map was made in 1562 on the basis of the "Drawing of Moscow lands" of 1497

Рис. 4. Фрагмент карты России А.Вида (1542 г), составленной по материалам И.В.Ляцкого (эмигранта с 1534 г) (Рыбаков Б.А., 1974, с.11-18, рис.2, 3; Bagrow L., 1962, Fig.6).

Fig. 4. A fragment of Antony Vida's map of Russia of (1542) based on the sketches of I.V.Liatskoi (an emigrant since 1534) (Рыбаков Б.А., 1974, с.11-18, рис.2-3; Bagrow L., 1962, Fig.6)

Рис. 5. Фрагмент карты Московии Гесселя Герритса. Составлена в 1613 г, исправлена в 1614 г. Печаталась в атласах В.Я.Блау с 1635 г (Булатов А.М., 2001, л.5; Рыбаков Б.А., 1974, с.57-69, рис.12).

Fig. 5. A fragment of Hessel Gerrits's map of Moskovia. The map was made in 1613 and corrected in 1614. It has been printed in Willem Janszoon Blaeu's atlases since 1635 (Булатов А.М., 2001, л.5; Рыбаков Б.А., 1974, с.57-69, рис.12)

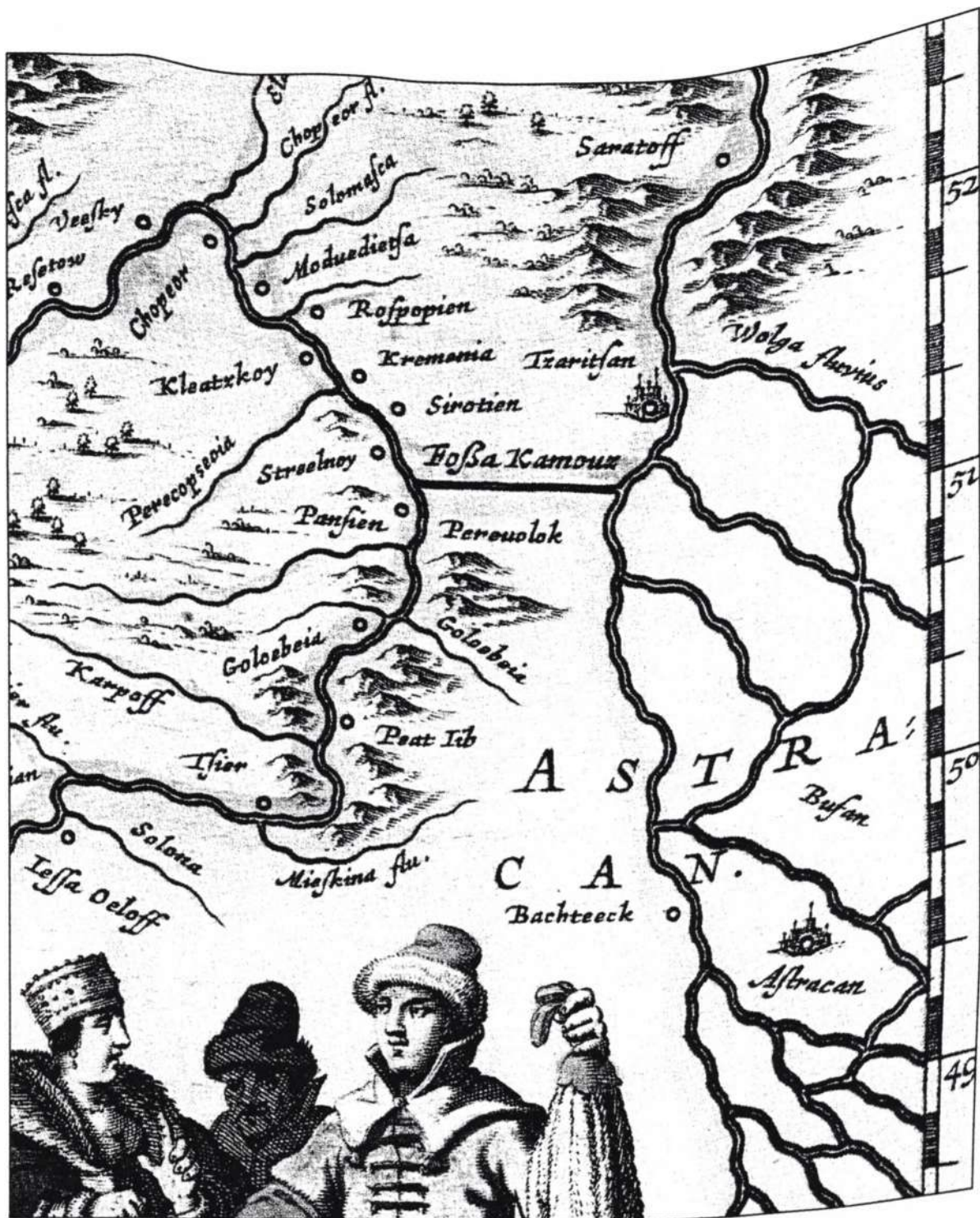

Рис. 6. Фрагмент карты России И.Массы (составлена не позднее 1633 г) из атласа В.Я.Блау, где печаталась в течение 1635-1672 гг (Булатов А.М., 2001, л.7).

Fig. 6. A fragment of Isaac Massa's map of Russia (made not later than in 1633) from Blaeu's atlas in which it was printed during 1635-1672 (Булатов А.М., 2001, л.7)

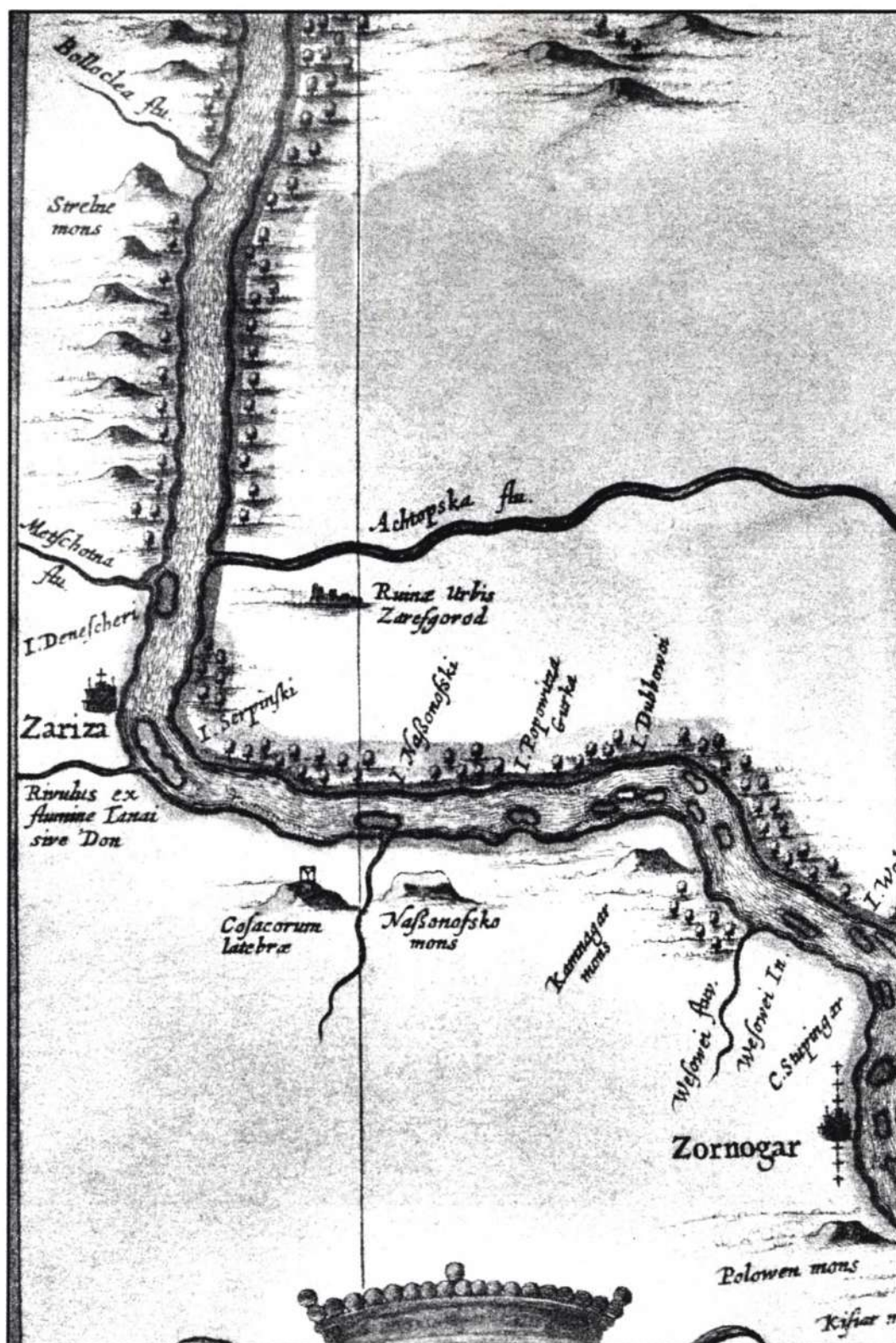

Рис. 7. Фрагмент карты реки Волги А.Олеария, составлена после 1636 г.
 Fig. 7. A fragment of Adam Olearius's map of the Voiga river which was made after 1636

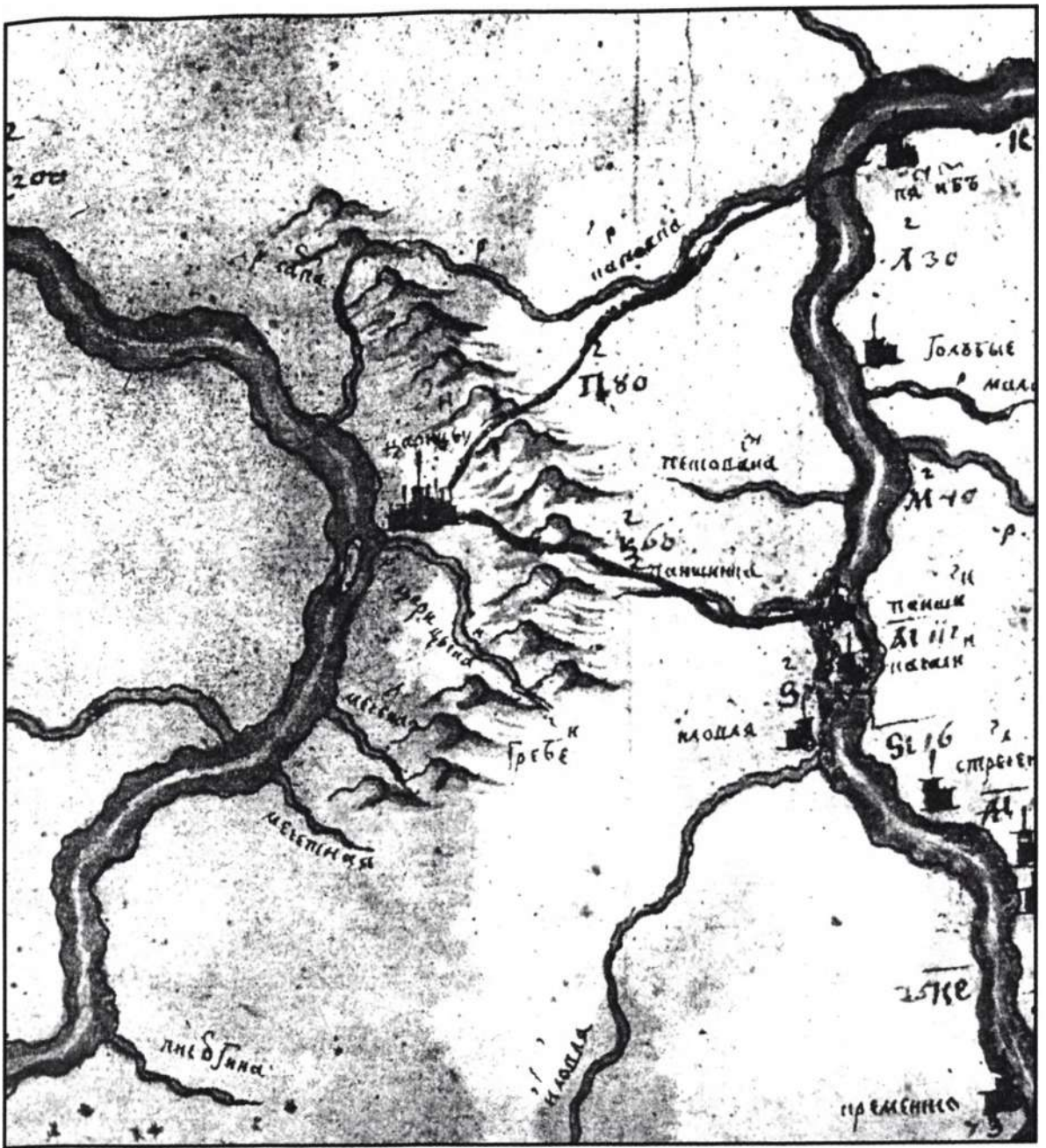

Рис. 8. Фрагмент русской карты, составленной около 1685 г с изображением сближения Дона и Волги. Ориентирована на юг (Bagrow L., 1952; 1953).

Fig. 8. A fragment of a Russian map made ca. 1685 with the image of approachment of the Don and the Volga, oriented to the south (Bagrow L., 1952; 1953)

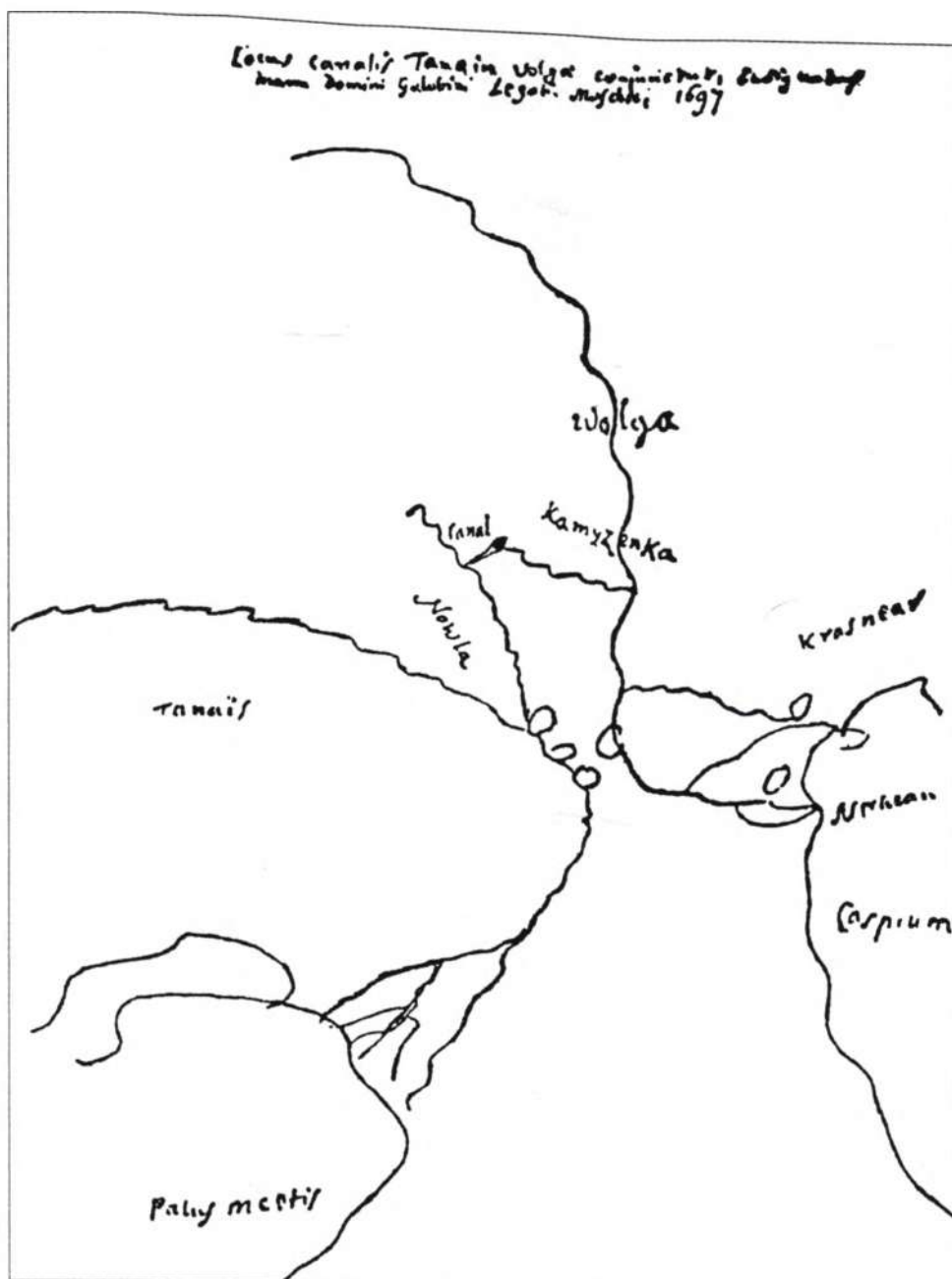

Рис. 9. Рисунок Г.В.Лейбница, показывающий проектировавшийся Волго-Донской канал, по рассказу русского посла Ф.А.Головина (Ганновер, 1697) (Bagrow L., 1953, p.97).

Fig. 9. G.W.Leibniz' drawing showing the Volga-Don channel under design according to the Russian ambassador F.A.Golovin's words (Hanover, 1697) (Bagrow L., 1953, p.97)

Рис. 10. Фрагмент карты России И.Б.Хоманна (Нюрнберг, около 1720 г). Изображение переволоки очень близко соответствует карте Г.Делиля 1706 г. Прямой линией обозначен проектировавшийся Волго-Донской канал по рекам Иловле и Камышенке. Карповка и Сарпа обозначены как одна река Царица. Ниже надписи "Perevoloc" – приближенные друг к другу в истоках реки Паншинка и Мечетка.

Fig. 10. A fragment of Johannes Baptiste Homann's map of Russia (Nuremberg, ca. 1720). The image of a portage is very similar to that of Guillom Delille's map of 1706. The direct line marks the Volga-Don channel designed on the Ilovl and Kamyschenka rivers. The Karpovka and the Sarpa are marked as a single river the Tsaritsa. Below the inscription "Perevoloc" are close to each other's heads the Panshinka and Mechetka rivers

Рис. 11. Фрагмент “Карты Татари” 1706 г Г.Делиля из атласа Делиля 1707 г. Карта составлена по материалам С.У.Ремезова, Н.Витсена, И.Идеса, более ранних карт Татари, откуда и взялось обозначение развалин Сарая у отвления Ахтубы. Название “Твия” свидетельствует об опосредованном использовании карты П.Джовио 1525 г.

Fig. 11. A fragment of “Map of Tartaria” of 1706 from Delille’s atlas of 1707. The map is based on the sketches of Semion Remezov, Nikolaas Vitsen, Isbrand Ides, and earlier maps of Tartaria whence the designation of ruins of Saray at an origin of Akhtuba has been taken. The name “Tvia” testifies to the mediated use of Paolo Giovio’s map of 1525

Рис. 12. Фрагмент карты Борджиа-V (Almagia R., 1944, Tav. XIII).
 Fig. 12. A fragment of the Borgias-V map (Almagia R., 1944, Tav. XIII)

Рис. 13. Фрагмент карты Фра Мауро 1459 (1460) г.
 Fig. 13. A fragment of Fra Mauro's map of 1459 (1460)

Рис. 14. Фрагмент карты Г.Меркатора, составленной в 1594 г в Дуйсбурге. Впервые опубликована в атласе Г.Меркатора в 1595 г. Вехима – южнее поворота Волги на юго-восток.

Fig. 14. A fragment of Gerardus Mercator's map made in 1594 in Duisburg and first published in Mercator's atlas in 1595. Vexima is located southward of the Volga turn to the southeast

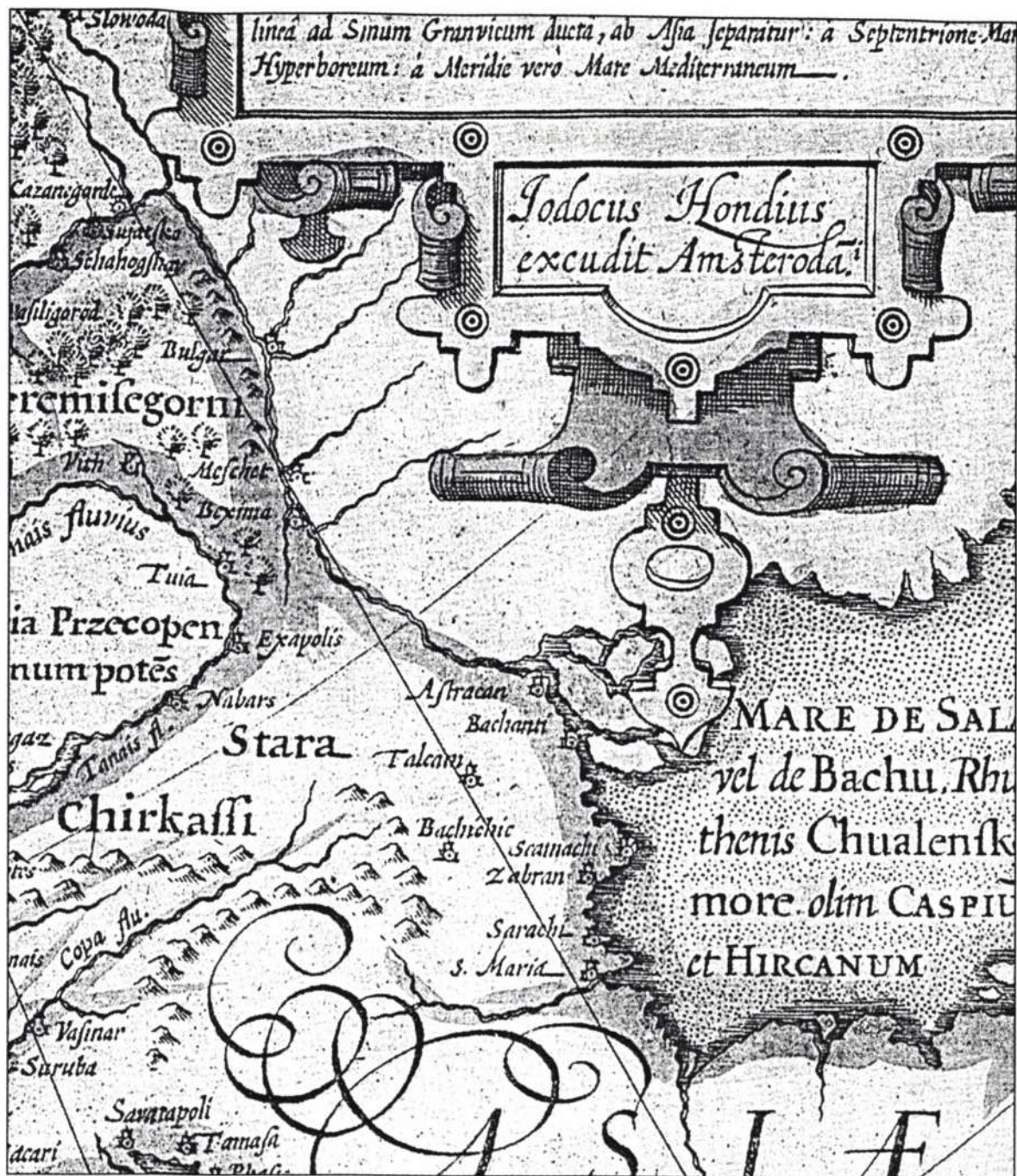

Рис. 15. Фрагмент карты Тартарии Иодока Хонди, выпущенной в Амстердаме в 1606 г. Составлена с использованием материалов Г.Меркатора 1595 г. Bexima – у поворота Волги на юго-восток, при устье реки, по направлению соответствующей Сарпе. Подпись “Meschet” (мечеть), соответствующая Царевским развалинам, расположена выше по течению Волги.

Fig. 15. A fragment of Jodocus Hondius's map of Tartaria published in Amsterdam in 1606. It was made using Mercator's materials of 1595. Bexima is located at the Volga turn to the southeast, at the mouth of a river whose direction corresponds to the Sarpa. The legend “Meschet” (mosque) which corresponds to Tsarev ruins is located upstream of the Volga

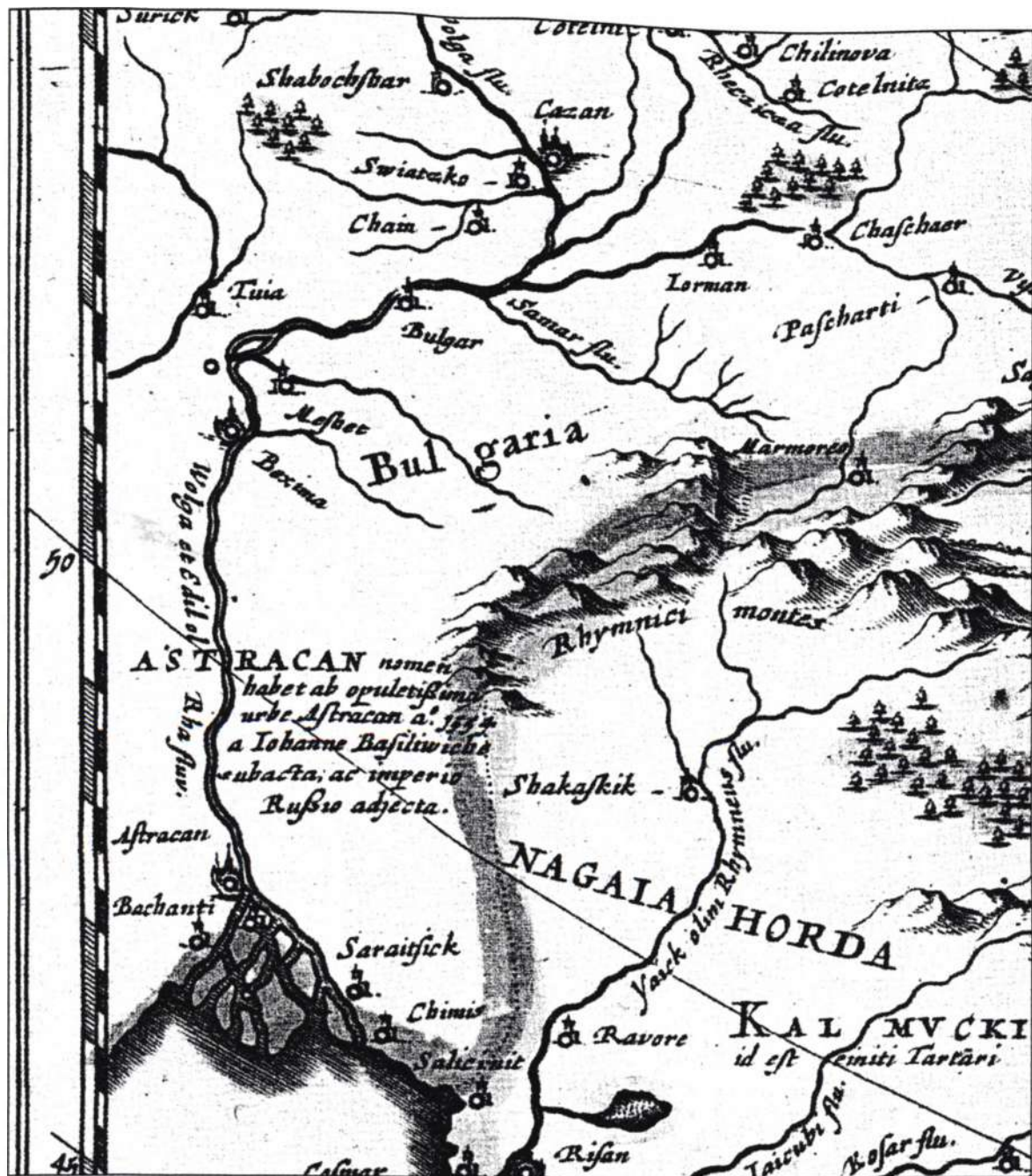

Рис. 16. Фрагмент карты Татарики из атласа Блау, печатавшегося в 1635-1672 гг. Вехима – южнее поворота Волги на юго-восток (Булатов А.М., 2001, л.9).

Fig. 16. A fragment of Tartaria map from Blaeu's atlas which was printed in 1635-1672. Bexima is located southward of the Volga turn to the southeast (Булатов А.М., 2001, л.9)

Литература и архивные материалы

- Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., 1938. М.
- Баллод Ф.В., 1923. Приволжские Помпеи. М.; Пг.
- Баллод Ф.В., 1998. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды// Татарская археология. № 1 (2). Казань.
- Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в., 1971/ Вступ. ст., пер. и комм. Е.Ч.Скржинской. Л.
- Библиотека иностранных писателей о России, 1836/ Пер. В.Семенова. Отделение первое. Т.1. СПб.
- Блохин В.Г., 1999. Золотоордынское поселение у с.Колобовка// Нижневолжский археологический вестник. Вып.2. Волгоград.
- Брун Ф.К., 1872. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия// Записки Имп. Новороссийского университета. Т.8. Одесса.
- Булатов А.М., 2001. Воображаемая Россия. М.
- Бэрроу, 1939// Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII. Сталинград.
- Веселовский Н.И., 1907. О местоположении Гюлистана При-Сарайского. К.
- Веселовский Н.И., 1912. Загадочный Гюлистан Золотой Орды// Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т.XXI. СПб.
- Волков И.В., 2000а. Эволюция оценок состояния золотоордынских городищ Нижней Волги// Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. М.
- Волков И.В., 2000б. Столицы Золотой Орды во внешних источниках// Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. Труды ГИМ. Вып. 122. М.
- Волков И.В., 2003а. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г.// Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.2. Армавир.
- Волков И.В., 2003б. Поселения Приазовья в XII-XIII вв.// Русь в XIII веке: Древности темного времени М.
- Волков И.В., 2005а. Заметки об области Кремук// Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар.
- Волков И.В., 2005б. Окончательное решение вопроса о Старом и Новом Сараях и блеск новаторов// Нижневолжский археологический вестник. Вып.7. Волгоград.
- Волков И.В., 2006. Размышления о хронологии, исторической географии и точности// Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.6. Краснодар.
- Волков И.В., 2008. Ранние монеты чекана Азака// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып.23. Азов.
- Герберштейн С., 1988. Записки о Московии/ Пер. с нем. А.И.Малеина и А.В.Назаренко. М.
- Гмелин С.Г., 1936. Путешествие по России для исследования трех царств природы// Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII веках. Сталинград.
- Гончаров Е.Ю., 2003. "... страдает сильной неточностью" (демонстрация научных фокусов с последующим их разоблачением)// Нижневолжский археологический вестник. Вып.6. Волгоград.
- Горсей Дж., 1990. Записки о России. XVI – начало XVII в. М.
- Григорьев В., 1998. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая// Татарская археология. № 1 (2). Казань.
- Димитров Б., 1984. България през средновековната морска картография. София.
- Донские дела, 1898. Кн.1. (= Русская историческая библиотека. Т.18). СПб.
- Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986. В.Н.Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье// СА. № 1.
- Зайковский Б.В., 1908. Городище Бэльджамен// Труды СУАК. Т.XXIV. Саратов.
- Ильина А., Шишкин П., 1929. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград.
- Карамзин Н.М., 1892. История государства Российского. Т.5. СПб.
- Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2004. Монетные комплексы трех небольших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья// Древности Поволжья и других регионов. Вып.5. Нумизматический сборник. Т.4. Москва; Нижний Новгород.

- Книга Большому Чертежу, 1950/ Под ред. К.Н.Сербиной. М; Л.
- Леопольдов А.Ф., 1839. Историко-статистическое описание Заволжского края Саратовской губернии. 1837 г.// Материалы для статистики Российской Империи. Т.1. Вып.3. СПб.
- Лепехин [И.И.], 1821. Записки путешествия академика Лепехина// Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академиею Наук, по предложению ее президента. Т.3. СПб.
- Лепехин И., 1936. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства// Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII веках. Сталинград.
- Масса И., 1937. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.
- Материкин А.В., 1999. Храм Иоанна Предтечи. Страницы истории города Царицына и его первой церкви. Волгоград.
- Минх А.Н., 1900. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т.1. Вып.1. Саратов.
- Минх А.Н., 1901. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т.1. Вып.3. Саратов.
- Минх А.Н., 1902. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т.1. Вып.4. Аткарск.
- Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.
- Оболонина Г.В., Тюменцев И.О., 1994. Рождение Царицына// Вопросы краеведения: Материалы краеведческих чтений, посвященных 80-летию Волгоградского областного краеведческого музея. Вып.3. Волгоград.
- Олеарий А., 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.
- Паллас П.С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.3. Пол.2. 1772 и 1773 годов/ Пер. В.Зубцев. СПб.
- Плано Карпини Д., 1997. История монгалов// Путешествия в восточные страны. М.
- Прохоров Г.М., 1978. Повесть о Митяе: Русь в эпоху Куликовской битвы. Л.
- Рогачев О.Г., 1992. К вопросу о локализации золотоордынского города Бельджамена// Межрегиональная конференция "Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды": Тез. докл. Волгоград.
- Рогожский летописец, 1922// ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Пг.
- Рогожский летописец, 2000. Тверская летопись. Рязань.
- Рудаков В.Г., 1999. К вопросу о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана// Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. Вып.7. Казань.
- Рудаков В.Г., 2000. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана// Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.
- Рыбаков Б.А., 1974. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.
- Рыбаков Б.А., 1994. Новооткрытая карта Московии 1525 г.// Отечественные архивы. № 4. М.
- Садиков П.А., 1947. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.// ИЗ. Т.22. М.
- Симеоновская летопись, 1913// ПСРЛ. Т.XVIII. СПб.
- Симеоновская летопись, 1997. Русские летописи. Т.1. Рязань.
- Спицын А.А., 1895. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А.Спицына летом 1893 г. на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города// ОАК за 1893 год. СПб.
- Старков В.Ф., 1994. Описание карты 1525 г.// Отечественные архивы. № 4.
- Толмачов Н.А., 1889. О Водянском городище в Саратовской губернии// Труды VI Археологического съезда. Т.4. Одесса.
- Томарев В.И., 1989. Царицын феодальный// Волгоград: Четыре века истории. Волгоград.
- Трутовский В.К., 1889. Гулистан Золотой Орды// Древности Восточные. Труды Восточной комиссии отделения Московского археологического общества. Т.1. М.
- Трутовский В.К., 1911. Гулистан, монетный двор Золотой Орды// Нумизматический сборник. Т.1. М.
- Тюменцев И.О., 2000. Начало Царицына: гипотезы и факты// Стрежень: Научный ежегодник. Вып.1. Волгоград.
- Ульянов Н.И., 1996. Происхождение украинского сепаратизма. М.
- Фальк И.П., 1824. Записки путешествия академика Фалька// Полное собрание ученых путешествий по России. Т.6. СПб.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Фоменко И.К., 2007. Образ мира на старинных картах и портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М.
- Халиков А.Х., 1992а. Кто мы – болгары или татары. Казань.
- Халиков А.Х., 1992б. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань.

- Чекалин Ф.Ф.**, 1888. Какому из древних городов принадлежит каменное городище на Волге, близ посада Дубовки?// Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т.1. Вып.4. Саратов.
- Чекалин Ф.Ф.**, 1889а. Добавление к статье "Саратовское Поволжье в XIV в."// Труды СУАК. Т.2. Вып.1. Саратов.
- Чекалин Ф.Ф.**, 1889б. Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным// Труды СУАК. Т.2. Вып.1. Саратов.
- Чекин А.С.**, 1999. Картография христианского средневековья VIII-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Чернецовы Г. и Н.**, 1970. Путешествие по Волге. М.
- Aboulféda**, 1840. Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la société Asiatique par M.Reinaud. Paris.
- Almagia R.**, 1944. Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Apostolica// Monumenta Cartographica Vaticana. Vol.1. Citta del Vaticano.
- Annali di geografia.** A cura di G.Graberg, 1802// Scuderia la vecchia. T.II. N LXXXIV. P.289. Genova.
- Bagrow L.**, 1952. A Russian communications map, ca.1685// Imago Mundi. A Review of early cartography. Vol. IX. Stockholm; Leiden.
- Bagrow L.**, 1953. The Volga-Don Canal// Imago Mundi. A Review of early cartography. Vol.X. Stockholm; Leiden.
- Bagrow L.**, 1962. At the sources of the cartography of Russia// Imago Mundi. Vol.XVI. Leiden.
- Caraci G.**, 1953. The Italian cartographers of the Benincasa and Freducci families and the so-called Borgiana map of the Vatican Library// Imago Mundi. Vol.X.
- Contarini A.**, 1973. El viazo de misier Ambrosio Contarini ambassador de la illustrissima signoria de Venesia al signor Uxuncassan re de Persia// Il Nupvo Ramusio. Vol.VII. I viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini/ A cura di L.Lockhart, R. Morozzo della Rocca, M.F.Tiepolo. Roma.
- Gasparrini T.L.**, 1954. Il Mappamondo di Fra Mauro. Roma.
- Ramusio G.B.**, 1559. Secondo volume delle navigationi et vaggi. Venetia.

Summary

I.V.Volkov (Moscow, Russia)

TRAVELS ALONG VOLGA OF AMBROGIO CONTARINI IN 1476 AND BISHOP DIONISII IN 1379: HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL ESSAY

The paper examines evidence of two travels across the Volga which contains data on the historical geography of the region during the Golden Horde period, namely, the location of (New) Sarai. These data refute the groundless statements which have appeared recently in literature stating that the Golden Horde had established only one capital (Sarai) and that the largest site in the country was Gulistan but not New Sarai. The main problem is to determine which of the two Sarais is mentioned in the written sources. There appear to be two sites, Selitrennoie and Tsarev, which are traditionally linked to Sarai and New Sarai. The Tsarev site is vast. Up to the end of the 19th century its length had been estimated as not less than 90 km, and the northern border of the ruins was located in the area where Akhtuba branches from the Volga.

The Venetian ambassador Ambrogio Contarini travelled along the Volga in August, 1476. In different editions of his work either Sarai in the form of "Soria" or Tana (modern Azov) is mentioned as the place we are interested in. The first name is original whereas the second one is a result of editing. The evidence on the proximity of Sarai cannot be connected to the Selitrennoie site since Ambrogio Contarini had passed this section of his route on the opposite bank of the Volga separately from the main caravan. The place where the Venetian ambassador said that he had been "outside from Sarai" could be determined precisely enough: on the right bank of the Volga somewhat above the branch of the Akhtuba. On the opposite bank of the Volga there are the northern outskirts of the Tsarev ruins. Hence, it is New Sarai, which corresponds to the Tsarev site, mentioned in the source.

In 1379 the Suzdal bishop Dionisii set out "by the Volga in ships down to Sarai". A final goal of his route was Constantinople. There is a brief mention about this in the annals that was inserted in the source just after

the hierarch returned to Russia. The general circumstances made it important to Dionisii to reach the place as quickly and secretly as possible. It is reasonable to assume that the shortest waterway had been chosen for this purpose: across the Volga to a portage to the Don, then across the Don to Azov, furthermore by sea to Constantinople. Therefore, if we could determine the position of the portage in the 14th century we would be able to approximately determine the position of the nearest reference point – Sarai. A diffused opinion that the only portage [Perevoloka] began near modern Dubovka is incorrect. An identification of the Dubovka (or Vodyanskoye) site with the Golden Horde town Beljamen is also unproved by any sources. Diverse sources testify that the main portage was in the area of modern Volgograd until the 16th century. On the opposite bank of the Volga there are the northern outskirts of the Tsarev ruins. Thus, the source mentions New Sarai which corresponds to the Tsarev site. In a similar context, Sarai is mentioned in 1385 when metropolitan Pimen escaped to Constantinople.

Thus, independent sources verify that Sarai is located in the area of the Volga and Don near confluence. Hence, new statements about the location of New Sarai and Gulistan are incorrect.

Статья поступила в редакцию в апреле 2009 г